

В ПЕРВЫЕ НА РУССКОМ ЯЗЫКЕ

САЙМОН СКЭРРОУ

ГЛАДИАТОР ПО КРОВИ

Орел

Саймон Скэрроу
Гладиатор по крови

«ЭКСМО»

2009

Скэрроу С.

Гладиатор по крови / С. Скэрроу — «Эксмо», 2009 — (Орел)

ISBN 978-5-699-67745-0

Молодой центурион Катон возвращается в Рим из Сирии вместе со своей невестой Юлией; в морском путешествии его сопровождают верный друг Макрон и отец Юлии сенатор Семпроний. Но в пути их настигает гигантская волна, вызванная землетрясением, и чудом уцелевшие путешественники оказываются на разрушенном стихией острове Крит. В это же самое время на острове начинается восстание мятежных рабов под предводительством беглого гладиатора Аякса. Катон и Макрон не могут оставить мятежную провинцию, не наведя там порядок. Но есть и еще одно важное обстоятельство: Аякс – их заклятый враг. Ибо именно Катон и Макрон обрекли его отца, предводителя морских пиратов, на мучительную смерть, а самого Аякса – на рабство. И теперь бывший гладиатор, узнав своих обидчиков, готовит им страшную месть...

ISBN 978-5-699-67745-0

© Скэрроу С., 2009

© Эксмо, 2009

Содержание

Глава 1	7
Глава 2	12
Глава 3	17
Глава 4	24
Глава 5	33
Глава 6	40
Глава 7	46
Глава 8	54
Глава 9	60
Глава 10	66
Конец ознакомительного фрагмента.	67

Саймон Скэрроу

Гладиатор по крови

Simon Scarrow

THE GLADIATOR

© 2009 Simon Scarrow

The Author asserts the moral right to be identified as the Authors of this work.

First published in the English language by Headline Publishing Group Limited

© Соколов Ю. Р., перевод на русский язык, 2012

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2013

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

* * *

Книга эта посвящена Мику Уэббу и персоналу начальной школы Святого Креста в Стоуке.

Спасибо вам за все, что вы сделали для моих сыновей Джо и Ника.

Снова от всего сердца благодарю мою жену Кэролайн, прогладившую носом каждую главу на выходе из компьютера. А еще Мег, исполняющую обязанности моего агента, а также, безусловно, одного из самых лучших на свете редакторов – Марион, всегда умудряющуюся удерживать в рамках мою фантазию и направить повествование в более стройное и ясное русло. Наконец, огромное спасибо моему сыну Джо, обладателю просто выдающихся энциклопедических познаний в области содержания этой серии, который избавил меня от позорнейшей из ошибок. Джо – ты гений.

Сердце Римской империи. 49 г. н.э.

Сердце Римской империи

1 – Иллирия; 2 – Рим; 3 – Средиземное море; 4 – Крит; 5 – Александрия; 6 – Кесария; 7 – Сирия.

Римская провинция Крит

Римская провинция Крит

1 – Матала; 2 – Гортина; 3 – Кипрана; 4 – Кносс; 5 – Литт; 6 – Оло.

Глава 1

– Придем в Маталу на следующем галсе¹, – объявил корабельщик, притеняя глаза ладонью и внимательно вглядываясь в позолоченные вечерним солнцем берега Крита, раскинувшиеся по правому борту.

Возле него на палубе стояли несколько направлявшихся в Рим пассажиров: сенатор-римлянин с дочерью и двое центурионов². Все четверо вместе со служанкой дочери, молодой иудейкой, сели на корабль в Кесарии. Корабельщик гордился своим судном. Старина «Гор» принадлежал ранее к александрийскому флоту, возившему зерно через море в Рим. Незирая на возраст, корабль оставался крепким и мореходным, а опытный кормчий был достаточно уверен в своем мастерстве, чтобы при необходимости уходить подальше от берега. Таким-то вот образом после выхода из кесарийской гавани «Гор» направился прямо в открытое море и по прошествии трех дней оказался возле берегов Крита.

– Успеем прийти в Маталу до наступления ночи? – спросил сенатор.

– Боюсь, что нет... – Корабельщик чуть улыбнулся. – Не хочу даже пытаться подходить к берегу в темноте. Корабль тяжело гружен и глубоко ушел в воду. Можем сесть на камни.

– Тогда что будем делать сегодня ночью?

Капитан на мгновение поджал губы.

– Постоим возле берега, а с зарей войдем в гавань. Придется потерять день, но другого выхода нет. Лучше помолимся Посейдону, чтобы, оставив Маталу, мы нагнали потерянное время.

Центурион постарше с разочарованием вздохнул:

– Ох уж это море. Прямых путей по нему не бывает. Лучше было бы ехать по суше.

Его товарищ, высокий и худощавый, голову которого украшала темная и кудрявая шевелюра, рассмеялся и хлопнул по плечу своего коренастого спутника.

– А я-то считал, что являюсь здесь самым нетерпеливым! Не надо, Макрон, мы все равно окажемся в Риме много быстрее, чем если бы ехали по суше.

– Смотрю, ты другую песню запел, а кажется, еще вчера ненавидел море.

– Я от него не в восторге, но у меня есть причины стремиться в Рим как можно скорее.

– Вне сомнения. – Центурион Макрон подмигнул, чуть качнув головой в сторону дочери сенатора. – А я буду рад получить новый пост. Опять в легион, и уже постоянно. Ведают боги, мы с тобой достаточно потрудились, чтобы заслужить повышение... Не так ли, Катон, мой друг? Два года на восточной границе... Хватит с меня жары, песка и жажды. Теперь хотелось бы получить непыльное и уютное местечко где-нибудь в Галлии. В котором можно малость передохнуть.

– Это ты сейчас говоришь, – расхохотался Катон. – Но я знаю тебя, Макрон. Не пройдет и месяца, как ты будешь лезть на стенку от скуки.

– Не знаю. Но хотелось бы вернуться к нормальному воинскому делу. Не по мне эти грязные императорские палаты.

Катон с чувством кивнул. С того самого часа и дня, когда они исполнили свое первое задание на службе Нарцисса, личного секретаря императора и главы имперской шпионской сети, боевых друзей со всех сторон окружали дополнительные опасности – сверх обычных, присущих военной службе. На лице Катона проступило жесткое выражение.

¹ Галс – отрезок пути, который проходит парусное судно от одного поворота до другого при лавировании.

² Центурион (сотник) в римской армии – командир центурии; центурионы высшего ранга командовали также более крупными подразделениями (манипула, когорта, вексилляция).

– Боюсь, что это не в нашей власти. Чем больше дел мы уладим, тем больше шансов на то, что нас позовут снова.

– И вправду, – с чувством шепнул Макрон. – Вот дерьмо...

Затем, вспомнив о присутствии сенатора и его дочери, он бросил в их сторону извиняющийся взгляд и кашлянул:

– Виноват, молодая госпожа. Прости мой галльский...

Сенатор улыбнулся.

– За последние месяцы нам пришлось наслушаться куда более худших выражений, центурион Макрон. И, признаться, мы успели привыкнуть к грубым солдатским манерам. Иначе я едва ли стал бы терпеть то внимание, которое Катон оказывает моей дочери, так ведь?

Та ответила с улыбкой:

– Не волнуйся, отец, я скоро укрошу его.

Катон просиял, когда она взяла его под руку и пылко пожала ее. Посмотрев на молодых людей, корабельщик поскреб подбородок.

– Значит, замуж, госпожа Юлия?

Девушка кивнула:

– Как только мы возвратимся в Рим.

– Вот тебе раз, а я-то и сам надеялся просить вашей руки, – пошутил капитан. Он бросил на Катона испытующий взгляд. На лице центуриона не было заметно шрамов, обычных на лицах опытных вояк.

Кроме того, греческому корабельщику еще не приходилось видеть такого юного центуриона, еще не достигшего даже тридцати лет, и он не мог избежать мысли о том, что молодой человек получил свой чин благодаря покровительству некоего влиятельного друга. Впрочем, медали³ на обмундировании центуриона свидетельствовали о подлинных, ратным трудом добытых отличиях. Бесспорно, в личности Катона было заключено много больше, чем корабель мог заподозрить с первого взгляда. Центурион Макрон, напротив, во всем казался закаленным воякой. Уступая своему спутнику в росте целую голову, он обладал бычьим сложением, а мускулистые руки были покрыты многочисленными шрамами. Казавшийся лет на пятнадцать старше Катона, он коротко стриг темные волосы над пронзительными карими глазами, однако морщинки в уголках глаз указывали на склонность к шутке при случае.

Наварх⁴ не без зависти обратил взгляд к младшему из сотников. Женясь на дочери сенатора, центурион Катон обретал опору до конца дней своих, деньги, общественное положение и предпочтение в карьере. Однако при всем том мореходу было ясно, что симпатия между молодым центурионом и сенаторской дочкой вполне реальна. Каждый день, на закате, оба, обнявшись, стояли на палубе, провожая взглядом светило, погружавшееся в искрящиеся светом волны.

Близился вечер, «Гор» шел параллельно берегу, минуя одну из тех бухточек, с которыми хозяин корабля успел познакомиться в те долгие годы, когда служил на торговых судах, вдоль и поперек пересекавших Средиземное море. Когда солнце скользнуло за горизонт, ярко высвечивая последними прямыми лучами ограждавшие сушу холмы и горы, все, кто был на палубе, принялись рассматривать берег. Неподалеку от края воды начинались поля крупного имения, и в сгущающемся сумраке были заметны длинные вереницы рабов, возвращавшихся с полей, рощ и виноградников. Устало шаркая ногами, они брели в свои конуры, подгоняемые кнутами и палками надсмотрщиков.

Юлия поежилась возле Катона, и он спросил:

³ Автор имеет в виду фалеры – металлические (в основном серебряные) бляхи особого вида, выдававшиеся отличившимся в бою и носимые обычно на ремнях.

⁴ Наварх – командир корабля в Древней Греции.

– Ты замерзла?

– Нет. На них посмотрела. – Она показала на вереницу рабов, втягивавшихся во двор, на закрывающиеся за последним из них ворота. – Жуткая жизнь... Они же все-таки люди.

– Однако у вас дома тоже есть рабы.

– Конечно, но мы хорошо содержим их, и в Риме они пользуются кое-какими свободами. Не то что эти бедняги, обреченные на тяжелый труд от утренней до вечерней зари. И обращаются с ними, как со скотиной.

Катон ненадолго задумался, прежде чем ответить.

– Такова участь рабов, работают ли они в таком вот поместье, в рудниках или на стройках. Немногим из них удастся попасть в такое имение, как ваше, или получить возможность пройти обучение в отряде гладиаторов.

– Попасть в гладиаторы? – Юлия удивленно приподняла брови. – И это удача? Как можно считать удачливым человека, обреченного на подобную участь?

Молодой человек пожал плечами.

– Учеба их трудна, но после того, как она заканчивается, жизнь гладиатора не столь уж плоха. Владельцы хорошо заботятся о них, а лучшие бойцы даже сколачивают состояние и живут припеваючи.

– Пока арена не отберет у них жизнь.

– Да, но они рискуют не более, чем любой легионер, и притом живут с большим комфортом. Если гладиатор проживет достаточно долго, он может получить свободу и выйти на покой состоятельным человеком. Подобное удастся не столь уж многим из легионеров.

– Истинная правда, – буркнул Макрон. – Жаль, что переучиваться в гладиаторы мне уже поздно.

Юлия удивленно посмотрела на него.

– Конечно, ты шутишь...

– Зачем? Если мое дело – убивать людей, так пусть уж за него хорошо платят.

Увидев недовольную гримаску на лице дочери, сенатор Семпроний усмехнулся:

– Не обращай на него внимания, дитя мое. Центурион Макрон шутит. Он сражается ради славы Рима, а не мощны раба, даже если она туго набита золотом.

Макрон поднял бровь.

– Уж и не знаю, кто из нас шутит...

Катон улыбнулся и взглянул на берег. Жилища рабов уродливым пятном чернели на склоне обращенного к заливу холма. Там было тихо, только единственный факел пылал над воротами, около которых можно было еще различить темный силуэт приглядывавшего за рабами караульщика. Бытовая сторона рабства, почти незаметная для большинства римлян, особенно знатных, таких, как сенатор Семпроний и его дочь. Надушенные и облаченные в одинаковые наряды, рабы богатых домов ничуть не напоминали собой оборванцев, трудившихся в этих латифундиях⁵, всегда усталых, голодных, находившихся под неусыпным контролем на предмет любых возмущений, которые карались с едва ли не зверской жестокостью и стремительностью.

Власть казалась жестокой, но империя – более того, всякий известный Катону культурный народ – нуждалась в рабах, создававших общее благосостояние и кормивших многолюдные города. Катон вновь увидел перед собой жесткое напоминание об ужасных различиях судебных людских. Худшие проявления рабства, с его точки зрения, позорили род людской, а отказаться от него никак не представлялось возможным.

Вдруг он ощутил, как дрогнула палуба под его сапогами, и поглядел вниз.

⁵ Латифундия – землевладение, занимающее большую площадь. Древнеримские латифундии были наиболее близки к современному индустриальному сельскому хозяйству, их экономика зависела от рабского труда.

– Проклятье! – рыкнул Макрон. – Что это?

Юлия вцепилась в руку Катона:

– Что такое? Что происходит?

По всей палубе раздавались возгласы, полные удивления и тревоги, экипаж судна и прочие пассажиры «Гора» тревожно глядели себе под ноги.

– Наткнулись на камни, – воскликнул Семпроний, хватаясь за поручень.

Корабельщик покачал головой.

– Это невозможно. Мы находимся слишком далеко от берега. Я знаю эти воды. Мелей здесь нет на пятьдесят миль в обе стороны. Клянусь. Только... Посмотрите сюда! На море!

Он протянул руку, указывая на море; повернувшись в указанном направлении, все заметили, что поверхность воды как бы вскипела. Считаное мгновение, показавшееся куда более долгим, чем это положено, море продолжало колебаться под аккомпанемент тупого гула корпуса корабля. Несколько человек попадали на колени и принялись возносить лихорадочные молитвы богам. Обняв Юлию, Катон посмотрел поверх ее головы на своего друга. Макрон скрипнул зубами, ответил ему пристальным взглядом и сжал кулаки... Впервые за время долгого знакомства Катону показалось, что он заметил страх в глазах друга, страх перед непонятным.

– Наверное, морское чудовище шалит, – негромко вымолвил Макрон.

– Морское чудовище?

– Не иначе. Ах ты, дерьмо... и какой преисподней ради согласился я путешествовать морем?

Но тут легкая тряска прекратилась столь же внезапно, как и началась, и мгновение спустя по поверхности моря побежали, как и прежде, ровные волны, непринужденно раскачивавшие судно. Какое-то мгновение никто на корабле не шевелился и не заговаривал, полагая, наверное, что странное явление может повториться опять. Юлия кашлянула.

– Как ты думаешь, это вот... не знаю что, – закончилось?

– Понятия не имею, – негромко отозвался Катон.

Этот короткий обмен фразами нарушил затянувшееся молчание. Макрон от всего сердца глубоко вздохнул, а корабельщик отвернулся от пассажиров и бросил хмурый взгляд в сторону кормчего. Тот как раз выпустил из рук рукоятку громадного рулевого весла, находившегося на корме «Гора», и укрылся под кормовым украшением судна, уже медленно разворачивавшегося под ветром.

– И что, во имя Аида, ты делаешь? – громыхнул наварх. – Живо на свое место, возвращай корабль на курс.

Когда кормчий схватился за рулевое весло, наварх обратил яростный взор к остальным мореходам:

– По местам! Шевелитесь! Живо!

Моряки с заметной напряженностью в движениях вернулись к своим делам, поправив уже затрепетавший по краям парус, когда «Гор» начал терять ветер, но кормчий налег на весло, и корабль вернулся к первоначальному курсу.

Макрон нервно лизнул губы.

– Все и в самом деле закончилось?

Катон прислушался к своим ощущениям и посмотрел на море, казавшееся в точности таким, каким было прежде – до того, как началась тряска.

– Похоже, что так.

– Слава богам.

Юлия кивнула, и тут глаза ее расширились, когда она вспомнила о служанке, придремавшей на своем коврик в каюте, которую она делила со своей госпожой и сенатором.

– Пойду посмотрю, как там Джесмия. Бедняжка, должно быть, в ужасе.

Молодой человек выпустил ее из своих объятий, и она заторопилась по палубе к узкому трапу, уводившему вниз, в каюты, где размещались те, кто мог себе это позволить. Более бедные пассажиры жили и спали прямо на палубе «Гора».

Едва Юлия исчезла из поля зрения, от берега донеслись слабые крики, и Катон, Макрон и Семпроний обратили глаза к суше. В уже сгустившемся сумраке они могли различить фигуры, бежавшие прочь из поместья. Точнее, того, что от него осталось. Стены рухнули, открыв прятавшиеся за ними лачуги; стояли лишь две из них, остальные превратились в развалины.

– Владыки Тартара!.. – Макрон смотрел на руины. – Что же здесь произошло?

– Землетрясение, – отозвался Семпроний. – Другого не придумаешь. Я пережил нечто подобное в Вифинии, когда служил там трибуном. Земля затряслась, послышался глухой рев. Так продолжалось какое-то время, некоторые дома как бы рассыпались или развалились на куски. Находившиеся в них люди оказались заваленными битым камнем. – Он поежился при воспоминании. – Погибли сотни людей...

– Но если это было землетрясение, тогда почему мы ощутили его здесь, в море?

– Не знаю, Макрон. Дела богов превыше человеческого разума.

– Так-то так, – сухо заметил Катон, – но если земля содрогнется достаточно сильно, вода передаст ее дрожь кораблям.

– Вполне возможно, – согласился Семпроний. – В любом случае нам повезло. Гнев богов в полной мере обрушился на тех, кто находился на суше.

Несколько мгновений все трое рассматривали развалины жилищ рабов, неторопливо уплывавшие назад, за корму продвигавшегося вперед «Гора». В руинах вспыхнул пожар, должно быть, перекинувшийся от кухни, где уже начинали готовить вечернюю трапезу. Языки огня разгоняли сумрак, освещая еще не пришедших в себя людей. Некоторые из них в отчаянной спешке разбирали руины, чтобы высвободить заваленных. Катон с жалостью покачал головой.

– Слава богам, мы в море. Не хотел бы я сейчас оказаться на берегу. Уж хоть за это будь благодарен, Макрон.

– В самом деле? – негромко отозвался ветеран. – Почему ты решил, что боги уже разобрались с нами?

– Эй, на палубе! – донесся сверху голос. – Смотри сюда, наварх!

Моряк, сидевший верхом на рее у самой верхушки мачты, указал свободной рукой на запад вдоль берега.

– Доложи, как положено! – рявкнул снизу вверх наварх. – Что ты там увидел?

После короткой паузы моряк ответил встревоженным голосом:

– Не знаю, господин. Никогда не видел ничего подобного. Линия... прямая, словно стена... выросшая прямо поперек моря.

– Ерунда, парень! Это невозможно.

– Господин, клянусь, это стена... на стену похожа.

– Дурак! – Капитан бросился к борту корабля, ухватился за тросы и полез наверх к вперёдсмотрящему. – Ну, утырок, и где эта твоя стена?

Вперёдсмотрящий ткнул ладонью в сторону горизонта, к меркнувшему свету заходящего солнца. Капитан сразу прищурился, а потом, когда глаза его привыкли к свету, он увидел ее. Слабый отблеск отраженного света тянулся от горизонта над темной полосой, пролегшей из моря к самому берегу Крита. Там, где она доходила до суши, бушевала водяная пена.

– Матерь богов, – охнул наварх, похолодев.

Дозорный был прав. На «Гора» накатывала стена... стена воды. Огромная волна надвигалась вдоль берега прямо в сторону корабля – будучи уже всего в двух-трех милях, она мчалась к ним быстрее, чем самый быстрый из скаковых коней.

Глава 2

– Вот это волна. – Глаза Катона округлились. – Какая огромная!
– Как твой клятый утес, – ответил капитан. – И прет вдоль берега прямо на нас.
– Тогда надо изменить курс, – посоветовал Семпроний, – убраться с ее пути...
– На это времени уже нет. В любом случае она протянулась до самого горизонта, уклониться от нее невозможно.

Сенатор и оба центуриона красноречиво посмотрели на наварха, и Семпроний, наконец, промолвил:

– И что же нам теперь делать?

– Что делать? – Корабельщик коротко рассмеялся. – Помолиться, попрощаться друг с другом и ждать, пока волна обрушится на нас.

Катон покачал головой.

– Нет. Ты еще можешь что-то сделать и спасти корабль.

– Говорю тебе, поздно, – вяло проговорил мореход. – Ты еще не видел ее, эту волну. Но увидишь, как только она ударит.

Все глаза обратились к горизонту, и тут Катон заметил как бы темную тень на кромке мира, казавшуюся еще тонкой, ничем не опасной линией. Он попытался рассмотреть ее, после чего повернулся к наварху.

– Но ты же видал всякие шторма, так ведь?

– О, да! Но шторм – одно дело, а такая волна – совсем другое. Надежды нет никакой.

– Вот дерьмо! – возопил Макрон и, обеими руками ухватив наварха за ворот, привлек грека к себе. – Надежда есть всегда. Я выжил в стольких треклятых сражениях не для того, чтобы утонуть на твоём корыте. Только я не моряк. Это твоя работа. Твоему кораблю грозит опасность. Пытайся вывести его из беды. Делай все возможное, чтобы дать нам шанс выжить! Понял меня? – Он встряхнул наварха. – Ну же!

Грек потупился под жестким взглядом центуриона и кивнул:

– Я сделаю все, что в моих силах.

– Так-то лучше, – осклабился Макрон, выпуская наварха. – Может, и мы сумеем чем-то помочь?

Моряк нервно глотнул.

– Если вы не против, не путайтесь под ногами.

Глаза Макрона сузились.

– И только?

– Можете привязать себя к мачте или к чему-нибудь еще, чтобы волна не смыла за борт.

– Хорошо.

Повернувшись к нему спиной, наварх начал раздавать приказания экипажу; моряки принялись распускать рифы⁶ на громадном главном парусе. Кормчий у руля, напрягаясь, разворачивал «Гора» носом к закату.

– Что он делает? – возмутился Семпроний. – Этот дурак поворачивает корабль носом к волне.

Катон кивнул.

– Разумная мера. Нос – самая крепкая часть корабля. Встретив волну носом, мы можем пробить ее, если корабль не сумеет вскарабкаться на нее.

Семпроний посмотрел на него.

⁶ Риф – поперечный ряд прикрепленных к парусу завязок, при помощи которых можно уменьшить площадь паруса, подбирая и стягивая его нижнюю часть.

– Надеюсь, что ты прав. Ради себя самого, ради меня и ради всех нас.

Как только сенатор умолк, Катон подумал о Юлии и, заторопившись к каютам, окликнул Макрона:

– Привяжись к мачте, и сенатора тоже привяжи.

– А ты куда?

– За Юлией и Джесмией. На палубе безопаснее.

Тот кивнул и снова посмотрел на горизонт; волна теперь была видна более отчетливо: огромной полосой она уходила в море, в то время как другой конец ее в облаке водяной пыли разбивался о берег.

– Торопись, Катон!

Молодой человек пробежал по палубе и по короткому трапу соскочил вниз в пассажирское отделение, узкие каютки которого вмещали тех, кто заплатил внушительную сумму за плавание до самого Рима. Отбросив в сторону грубое полотно, которым был завешен вход в каюту Юлии, он засунул голову внутрь. Девушка сидела на палубе, обнимая Джесмию.

– Катон! В чем дело?

– Нет времени объяснять.

Шагнув вперед, молодой человек рывком поднял девушку на ноги. Джесмия встала рядом, глаза ее были полны ужаса.

– Господин Катон, – губы ее дрожали, – я слышала, как кто-то сказал, что там наверху чудовище.

– Никакого чудовища нет, – отрезал центурион, выталкивая обеих из каютки и направляя их вверх по трапу. – Просто надо как можно быстрее подняться на палубу.

Юлия, оступаясь, поднималась по трапу.

– Но зачем? Что происходит?

Бросив короткий взгляд на Джесмию, Катон ответил:

– Доверься мне и делай так, как я скажу...

На палубе уже царили хаос и ужас. Макрон только что привязал сенатора к мачте и поспешными движениями завязывал веревку на себе. Вокруг прочие пассажиры и экипаж старательно привязывали себя к чему-либо прочному. Наварх присоединился к кормчему на его небольшой палубе; оба они крепко держали рулевое весло, вперив мрачные взоры в набегающую волну.

Джесмия в ужасе огляделась и замерла на месте.

Катон схватил ее за руку и потащил к мачте.

– Живо, девчонка! Времени в обрез.

Оказавшись возле Макрона и Семпрония, он толкнул обеих девушек на палубу и схватил конец веревки, которой его товарищ привязал себя к мачте. Посмотрев вверх, заметил, что мчавшаяся с невероятной скоростью вдоль берега волна уже совсем рядом.

– Поднимите руки! – крикнул Катон девушкам.

Охватив веревкой их тела, он перевязал ею мачту, а конец закрепил на петле вокруг тела Макрона.

– А как ты сам, парень? – встревожился, глянув на него, Макрон.

– Нужен еще кусок каната.

Катон распрямился и огляделся. Ни единой свободной веревки уже не было видно – всё расхватили. И тут взор его упал за борт корабля: шагах в пятидесяти посреди моря из воды вынырнула влажная глыба... следом, прямо на глазах Катона выступали все новые и новые камни. Казалось, что ближе к берегу волна всосала в себя всю воду, обнажив рифы и даже корпус разбитого старого корабля. Зрелище это на какое-то время поглотило все его внимание, но тут полный ужаса вопль одного из моряков заставил его перевести взгляд на волну. Теперь ее могли видеть все, кто находился на палубе. Огромное темное чудовище, непрозрачное, стек-

лянистое, увенчанное пенным гребнем, накатывало на корабль. Перед нею в последних лучах заката на мгновение блеснули белые крылышки чайки, после чего птица полностью исчезла в тени волны.

– Катон!

Повернувшись, молодой центурион увидел, какими глазами Юлия смотрит на него, протягивая руку и пытаясь схватить его ладонь. Катон понял, что привязываться уже нет времени. Он опоздал. Рухнув на палубу, он втиснулся между Макроном и Юлией, постаравшись обхватить обоих за плечи. Легкий ветерок, дувший от кормы вдоль корабля, вдруг утих, и парус провис на рее, как старая шкура, а потом вдруг выгнулся в обратном направлении, гонимый тем воздухом, который гигантская волна толкала перед собой. Перед кораблем вырос целый водный холм, гребень которого поднимался даже над мачтой. Ощувив, как сжался в комок желудок, Катон скрипнул зубами и впился взглядом в набегавшее чудовище.

Палуба вздрогнула, нос корабля подбросило вверх, воздух наполнили полные ужаса крики и стенания, а также страшный грохот волны о борт «Гора». Собравшиеся возле мачты прижались друг к другу, палуба задралась под немыслимым углом, и над сразу сделавшимся крохотным кораблем нависла водяная гора. На какое-то мгновение Катон ощутил невольный трепет перед грозившей судну могучей силой, а потом заметил пену и водяную пыль над гребнем волны. С коротким воплем один из матросов упал с реи на палубу, и голос его умолк, когда голова несчастного разбилась о крышку люка.

В этот самый миг «Гор» прекратил недолгое сопротивление волне и покатился назад. Вода хлынула на судно, захлестнув мачту в десяти футах над римлянами, привязанными к ее основанию. И перед тем как тонны черного потопа придавили корабль, Макрон крикнул волне:

– Плевал я на тебя!

Когда море обрушилось на них, голову Катона ударило о мачту, и на мгновение в глазах его вспыхнул свет. Инстинктивно открыв рот в крике, он ощутил губами соленую воду. Великая сила сносила его с места, вырывая из рук спутников. Покрепче вцепившись в веревку, перехватывавшую тело Юлии, Катон вложил весь остаток сил в пальцы, впившиеся в плечо Макрона. Всякое ощущение направления было утрачено, корабль крутило и вертело. Уши Катона наполнял грохот кипящей вокруг воды. Что-то толкнуло его, к нему протянулись руки; он понял, что это кто-то из моряков. Чьи-то пальцы впились в его лицо, протянулись к глазам. Ощувив угрозу, Катон был вынужден выпустить Макрона и попытаться отбиться. Тут новый поток воды окатил его и пытавшегося зацепиться за него моряка, отбросив обоих во тьму, далеко от обломка мачты. Лишь какой-то миг человек этот боролся за жизнь с отчаянием дикого зверя, а потом его понесло прочь. Катон покатился через голову, крутясь в вихре волны; стиснув губы, он лишь старался сохранить дыхание, но, наконец, терпеть уже не осталось сил, и он открыл рот, стремясь как-то умерить забушевавшее в груди пламя. Соленая вода хлынула в горло и в легкие, и Катон понял, задыхаясь, что умирает.

Между тем волна прокатилась дальше, оставив за собой кружащий водоворот. Постепенно корпус торгового корабля вынырнул на поверхность, посреди пены и водяной пыли. Блеснув бортами под еще не погасшими лучами светила, судно неторопливо начало выравниваться. Когда кромки бортов, а затем и палуба появились над поверхностью моря, надстройки невозможно было узнать. Украшавшая нос фигура египетского бога была снесена напроочь, оставив только расщепленный обрубок. Мачту, парус, оснастку и рулевое весло также унесло с собой море, прихватив заодно капитана и кормчего. Пока вода стекала через шпигаты⁷, «Гор» продолжал раскачиваться, и на мгновение показалось, что судно может перевернуться. Но в последний момент корабль успокоился и остановился, осев поглубже в воде – плавучей руиной, оставшейся от гордого судна. Вокруг «Гора» кружили обломки мачты и такелажа, тяну-

⁷ Шпигаты – водосточная дыра, сток с палубы.

лись щупальца оснастки. Несколько тел вынырнули на поверхность и мокрыми тряпками распростерлись на ней.

Макрон склонил голову набок, открыл глаза и попытался откашляться, изгоняя из легких соленую воду. Тряхнув головой, он огляделся по сторонам. На палубе шевелилась горстка выживших людей – пусть изрядно потрепанных и оглушенных, но все же оставшихся в живых, благодаря веревкам, удержавшим их на корабле. Макрон изверг остатки воды, казалось, уже с самого дна своего желудка, и, очищая рот, плюнул на палубу.

– Очаровательное зрелище...

Повернув голову, он увидел перед собой Семпрония, на лице которого замерла слабая улыбка; сенатор тоже кашлял и отплеивался. Ощувив движение с другой стороны, Макрон заметил болезненную гримасу на лице Юлии – ее тошнило.

– Все в порядке, госпожа?

– О, все превосходно, спасибо, – пробормотала она и вдруг замерла на месте. – Катон! А где Катон?

Макрон бегло осмотрел палубу, однако друга его нигде не было видно. Он попытался пробудить память, как бы снова погружаясь в жуткую морскую тьму.

– Когда на нас накатил волна, он держался за меня. А потом... потом я ничего не помню.

– Катон! – крикнула Юлия в окружавший их полумрак, пытаясь освободиться от веревки, все еще привязывавшей ее к тому пню, в который превратились остатки мачты.

Ослабив узел, она выскользнула и поднялась на ноги.

– Катон! Где ты?

Макрон сбросил с себя охватившие его тело петли и стал рядом с ней. Теперь он уже внимательно осмотрел палубу, однако было очевидно, что Катона на ней нет.

– Катона взяла вода, госпожа.

– Вода? – Девушка повернулась к нему. – Нет. Этого не может быть.

Макрон беспомощно посмотрел на нее и обвел палубу рукой.

– Его здесь нет.

Юлия затрясла головой и шагнув в сторону от центуриона, охрипшим голосом крикнула:

– Катон! Катон! Где ты?

Посмотрев на нее, Макрон повернулся к сенатору, чтобы помочь ему подняться на ноги.

– Благодарю, – буркнул Семпроний. – Лучше посмотри на эту девчонку, на Джесмию.

Кивнув, Макрон повернулся к служанке. Она лежала возле мачты, голову ее болтало из стороны в сторону в такт качке. Молодой человек пригнулся и осторожно взял девушку за подбородок. Глаза ее смотрели куда-то вдаль. А потом он заметил темный синяк, уже начинавший наливаться на ее горле, заметный даже в остатках дневного света. Выпустив из руки подбородок, он заметил со вздохом:

– Ничего не поделаешь. Она сломала шею.

Семпроний шепнул:

– Бедняжка.

– Она умерла? – Юлия обернулась. – Не может быть! Она же была привязана совсем рядом со мной.

– Она умерла, молодая госпожа, – негромко проговорил Макрон. – Ее ударил какой-то предмет, принесенный волной. Кусок дерева, часть мачты. Что угодно.

Юлия пригнулась к своей служанке и обхватила ее за плечи.

– Джесмия! Проснись. Проснись, тебе говорю! Приказываю тебе проснуться! – Она отчаянно потряхнула мертвую девушку, и голова той неприятно качнулась. Макрон опустил на колени перед Юлией и взял ее руки в свои.

– Молодая госпожа, она умерла. Она больше не слышит тебя. И ты ничего не можешь теперь сделать для нее. – Помедлив, он глубоко вздохнул, чтобы успокоить собственные чувства. – Как и для Катона.

Юлия бросила на него гневный взгляд, а затем скривилась и прижала руки к лицу, скрывая рыдания. Макрон нерешительно положил ей руку на плечи и попытался придумать какие-то утешительные слова. Однако таковые в голову вовсе не приходили, и они молча сидели в сгущавшихся сумерках. Теперь, когда волна прошла дальше вдоль побережья, море начало постепенно успокаиваться. Наконец Макрон поднялся на ноги и потянул за рукав туники Семпрония.

– Лучше позаботься о ней, господин.

– Что? – Сенатор ненадолго нахмурился: потрясение, вызванное волной, да и тем, что он остался в живых, еще не успело пройти. Наконец он перевел взгляд на дочь и кивнул: – Да, ты прав. Я приглажу за ней. Что будем делать, Макрон?

– Что, господин?

– Что мы будем делать теперь?

Макрон поскреб подбородок.

– Попытаемся удержать корабль на плаву, чтобы ночью не потонул. А утром посмотрим, что да как.

– И всё?

Макрон глубоко вздохнул.

– Господин, я не заядлый моряк. Я солдат. Но я сделаю все, что в моих силах. Хорошо?

Как только сенатор уселся и обнял дочь, Макрон распрямился и гаркнул на всю палубу:

– На ноги, сонные увальни! Живо сюда, ко мне. Теперь надо спасти корабль!

Возле него начали собираться люди, Макрон то и дело вглядывался во тьму, все еще надеясь увидеть выходящего из нее Катона, живого и невредимого. Но так и не обнаружил его среди перепуганных и потрясенных людей, собравшихся вокруг оставшегося от мачты пня.

Глава 3

– Ваш капитан погиб, – объявил Макрон. – Как и тот, что стоял возле руля. Кто идет за ними следующим по рангу?

Члены экипажа переглянулись, и вперед выступил пожилой человек.

– Это буду я, господин.

– Сумеешь управлять кораблем?

– Наверное, да, господин. Я разделяю с капитаном обязанности вахтенного. Ну, то есть разделял, пока...

Моряк махнул рукой в сторону кормы и пожал плечами. Макрон понял, что тот еще не совсем отошел после перенесенного потрясения и пока на него трудно положиться.

– Хорошо, пока я возьму бразды правления на себя. Как только корабль сделается вновь мореходным, ты станешь его капитаном. Согласен?

Помощник отстраненно пожал плечами. Макрон оглядел палубу, по которой прокатилась небольшая волна, перехлестнувшая через борт полузатопленного судна.

– Сначала нам надо облегчить корабль. Надо, чтобы все начали выбрасывать груз за борт. Как только борта поднимутся над водой, мы начнем вычерпывать воду.

– С какого груза начать, господин? – спросил помощник.

– С того, что окажется ближе. А теперь открывай палубный люк и приступай к делу.

Доски люка растрескались под ударами груза, когда корабль встал на дыбы. Как только веревки оказались развязанными, Макрон и все прочие оторвали треснувшие доски и побросали их за борт «Гора». Последние лучи солнца уже гасли, когда Макрон перегнулся через комингс⁸ и заглянул в трюм. Если при погрузке и соблюдался какой-то порядок, то от него не осталось теперь никакого следа в хаотичной груде битых амфор, мешков с зерном и тюков с тканями, наполнявших трюм. Под ними плескалась вода.

– Берись за работу, – распорядился Макрон. – Берите все, что попадет под руку, и бросайте за борт. – Он ткнул пальцем в ближайших к нему моряков. – Вы, четверо, спускайтесь в трюм и подавайте грузы вверх. Остальные будут принимать и бросать за борт.

Моряки спустили ноги через комингс люка и опустились в трюм, стараясь осторожно ступать на груду груза. Сверху Макрон заметил несколько деревянных сундучков.

– Начнем с них.

Когда первый из сундуков появился на палубе, помощник капитана, уставившись на него, нервно глотнул.

– Господин, выбрасывать это никак нельзя.

– Что так? Почему?

– Эти сундуки принадлежат римскому господину, в них находятся редкие специи. Это большая ценность.

– Какая жалость, – ответил Макрон. – А теперь бери сундук – и в воду его.

Помощник капитана помотал головой:

– Нет, господин. Я не возьму на себя ответственность за это.

Макрон со вздохом нагнулся, поднял сундук, подошел к борту и выбросил его в море. Вернувшись к помощнику, он не мог не удивиться ужасу, написанному на лице моряка.

– Все просто. Видел? Никаких сложностей, если только захотеть. Эй, вы, за работу! И не смотрите на всякие ценности, грош им цена. Все отправляется за борт. Понятно?

⁸ Комингс – вертикальные стальные листы или деревянные брусья, ограждающие люки от попадания воды внутрь помещений судна.

Спустившиеся в трюм матросы усердно взялись за дело, поднимая различные грузы на палубу, где их немедленно подхватывали сильные руки собратьев и отправляли за борт. Макрон повернулся к помощнику и негромко процедил:

– А теперь, если у тебя нет возражений, можешь помочь мне спасти твой сраный корабль.

Заметив грозное выражение на лице центуриона, помощник торопливо кивнул и поспешно прыгнул вниз, чтобы помочь остальным.

– Так-то оно лучше, – кивнул Макрон.

Когда на палубе появились новые сундуки и тюки с мокрой материей, к центуриону подошли Семпроний и его дочь. Сенатор кашлянул.

– Не можем ли мы помочь?

– Конечно, можешь, господин. Чем больше рук – тем лучше. И если эти мореходы начнут лениться, пинай их в задницы. Нам нужно облегчить корабль как можно скорее.

– Постараюсь.

– Спасибо тебе, господин. – Макрон повернулся к Юлии. – А ты, молодая госпожа, можешь пока укрыться на корме.

Юлия возмущенно задрала подбородок.

– Ну нет. Если только я могу чем-то помочь...

Макрон поднял бровь.

– Догадываюсь, что значил для тебя Катон, госпожа. Лучше повоюй со своим горем. К тому же нам нужны только мужские руки. Не хочу обидеть, но ты будешь только путаться под ногами...

– В самом деле? – Глаза Юлии сузились. Она сбросила с плеч промокший плащ на палубу. Склонившись, девушка прыгнула в трюм, подняла один из сундуков и поставила его на палубу. Поглядев на нее, Макрон пожал плечами.

– Ну, как тебе угодно, молодая госпожа, – лицо его посуровело, – а я, пожалуй, займусь мертвецами.

– Мертвецами? – посмотрел на него Семпроний. – А не кажется ли тебе, что заниматься ими чуточку поздно?

– Нам необходимо облегчить корабль, а значит, им также придется отправиться за борт, господин, – негромким голосом пояснил Макрон. – Мне приходилось встречаться со смертью, так что позволь мне сделать это.

– За борт? – Семпроний посмотрел в сторону оставшегося от мачты пня, около которого в неловкой позе осталось тело Джесмии. – Даже ее?

– Да, господин, – печально добавил Макрон. – Даже ее.

– Как жаль, – задумчиво проговорил Семпроний, глядя на труп. – Девочка так и не успела пожить.

– Иным достается и меньше, господин. Да, смерть ее оказалась не столь уж тяжелой, как могло бы случиться. – Макрону вспомнилась осада Пальмиры, в ходе которой он встретил Джесмию. Если бы крепость пала, девушку вместе со всеми остальными защитниками предали бы мечу после пыток и насилия. Однако сенатор был прав: жизнь Джесмии пресекалась как раз тогда, когда она могла надеяться на какую-то удачу. Вздохнув, Макрон подошел к телу девушки. Оно еще оставалось привязанным к мачте канатом. Центурион извлек кинжал, быстрыми движениями перепилил грубый канат и отбросил концы. Убрав клинок в ножны, он запустил руки под тело и поднял его. Голова Джесмии привалилась к его плечу, словно спала. Макрон ровным шагом подошел к борту корабля и поднял тело девушки над поручнем.

В последний раз бросив взгляд на молодое лицо, он предал Джесмию морю, с плеском бросив ее тело в воду. Волосы и одежда закружились в воде, а потом небольшая волна бросила тело на корпус судна, и, отхлынув, унесла его прочь. Макрон вздохнул и отвернулся, занявшись поисками следующего трупа. Их оказалось всего три; остальных, как и Катона, смыла

за борт титаническая волна, обрушившаяся на «Гор». Ветеран помедлил, вновь вспоминая о друге. Катон был для него чем-то вроде близкого родственника. За годы совместной службы он привык видеть в нем младшего брата. И теперь этот брат погиб. В сердце Макрона уже угнездилась немая усталость, но он знал, что горе придет потом, когда будет время подумать.

– Бедняга Катон, он никогда не любил воду...

Печально покачав головой, Макрон подобрал последний труп – тело невысокого и худого купца, поднявшегося на борт корабля в Кесарии. Крякнув, он поднял тело и отбросил его подальше от корабля, после чего вернулся к люку, чтобы помочь остальным облегчать судно.

Жгучая мука в легких Катона, казалось, растянулась на целую вечность, а потом, когда зрение стало меркнуть, он заметил светлое пятно в окружавшей его темной воде. Брыкнув из последних сил ногами, центурион заметил, что свет становится ярче, и в сердце его забрезжила надежда на то, что он все-таки вынырнет на поверхность. Потом, когда боль сделалась совершенно непереносимой, Катон почувствовал, что вот-вот потеряет сознание; уши его вдруг взорвались бурей звуков, и голова его вынырнула из воды. С мучительным усилием откашляв воду из легких, он слабо шевельнул ногами, чтобы остаться на поверхности.

Поначалу дыхание выходило из груди рваными вздохами. Вода плескала ему в лицо и рот, заставляя снова кашлять и отплевываться. Глаза драдо так сильно, что, пытаясь остаться наверху, Катон был вынужден зажмурить их. Туника и тяжелые армейские сапоги тянули его вниз, не давая удержаться на поверхности. Центурион понял, что если бы на нем было что-то еще, то он наверняка утонул бы. Дыхание постепенно вернулось к нему, а когда сердце перестало ударять в уши, он открыл глаза и увидел окружавшую его неровную поверхность моря.

В первый момент Катон увидел одну только воду, однако, повернув голову, он заметил берег Крита. Плыть до него нужно было не одну милю, и Катон усомнился в том, что у него хватит на это сил. Затем нечто ткнуло его в бок, и он в панике повернулся. Рядом с ним на поверхности оказался кусок корабельной реи с обрывком паруса на ней и щупальцами канатов. Ухватившись за рею и положив на нее руки, Катон шумно вздохнул. Качаясь вверх и вниз с волной, пловец принялся рассматривать окрестности. Море было усеяно обломками, смытыми с «Гора»; видно было и несколько тел.

На какое-то мгновение Катона поразил ужас при мысли о том, что он может оказаться единственным уцелевшим среди всех пливших на корабле. Всех остальных вместе с судном увлекла на дно обрушившаяся на торговый корабль волна. Макрон... Юлия, ее отец и Джесмия, все они погибли, подумал он в слепой панике, исторгшей глубокий стон из его груди.

Новая волна подняла Катона вверх, и тогда он увидел корабль, а точнее, то, что осталось от него: глубоко осевший в воду корпус. Мачты и кормовая надстройка были снесены напрочь, и в сгущавшихся сумерках он различил несколько рассеянно бродивших по палубе силуэтов. Катон попытался окликнуть их, но сумел издать только болезненный стон, а подкатившая незаметно небольшая волна наполнила его рот соленой водой. Отплевавшись, Катон вновь попытался вскрикнуть, а затем в наступающей тьме задрогал ногами в воде, стараясь справиться с отчаянием. Там, на корабле, его не видели. В любом случае люди на палубе больше интересовались собственными проблемами, чем судьбой выживших в море. Катон поежился. В воде было уже достаточно холодно, и он сомневался, что сможет провести в ней всю ночь.

Вцепившись в обломок деревянной реи, Катон попытался подгрести к кораблю. Сделать это было непросто, однако отчаянная надежда на спасение придала ему силу, позволившую направить свой путь по волнам к «Гору». Продвижение его было мучительно медленным, и он все боялся, что опустившийся мрак вот-вот скроет корабль.

Расстояние постепенно сокращалось, и, хотя на море легла ночь, света звезд все-таки хватало, чтобы очертить черную тень корабля над темной волнующейся водой. Подобравшись

ближе, молодой человек вновь попытался позвать на помощь, однако слабый голос его растворился в шипении и плеске волн, ударявших в борт корабля. Уже невдалеке от «Гора» Катон наткнулся на ушедший глубоко в воду сундук. Оттолкнув его в сторону, он продолжил свой путь к кораблю.

У края борта появились две фигуры; пыхтя от напряжения, они тащили с собой большую амфору.

– Бросаем по счету три, – рыкнул низкий голос, и они начали раскачивать тяжелый сосуд. Катон превосходно знал этот голос, и, хотя он собирался выкрикнуть приветствие, звук замер в его груди, едва он сообразил, что тяжелый горшок может приземлиться прямо ему на голову.

– Стой! – вырвался из его горла хриплый крик. Подняв руку над водой, он отчаянно замахал, пытаясь привлечь к себе внимание. – Опустите этот поганный горшок!

– Какого хрена? – обратился к воде Макрон. – Катон? Ты, что ли?

– Да... да... И поставь эту дрянь, пока ты не вышвырнул ее мне на голову!

– Что? Ах, да. – Макрон повернулся к своему помощнику. – Отставить. Клади амфору вниз, да аккуратнее. Катон, погоди. Схожу за веревкой.

– Будто я куда собирался... – с облегчением буркнул Катон.

Мгновение спустя темный силуэт Макрона появился над поручнем, и канат плюхнулся в воду.

Холодные пальцы Катона нащупали конец веревки. Вцепившись в нее изо всех сил, он пробормотал сквозь стиснутые зубы:

– Тяни.

Крякнув, Макрон потянул своего друга из моря, и когда плечи молодого центуриона высоко поднялись над водой, ухватил его за тунику, чтобы втащить на борт. Катон рухнул на палубу и перекатился на бок; грудь его тяжело вздымалась после заплыва с реей к борту «Гора». Он поежился, ощутив холодный ночной ветерок. Макрон не мог не усмехнуться.

– Вот она, твоя истинная природа: точь-в-точь мокрая крыса, вот ты кто.

Друг нахмурился.

– Не вижу повода для смеха в нашей ситуации.

– Значит, и не особо стараешься.

Катон тряхнул головой, а потом сердце его замерло, едва он оглядел палубу и увидел весь нанесенный кораблю ущерб, а также горстку силуэтов, суевившихся вокруг люка.

– Юлия... Где Юлия?

– С ней все в порядке, парень. И с ее отцом тоже. – Макрон помедлил и кашлянул. – А вот Джесмии нет.

– Нет?

– Погибла. Шею ее переломило, когда корабль опрокинулся. Мы потеряли многих моряков и пассажиров. В основном смытых за борт. Остальные погибли или изувечены корабельными обломками.

– Так значит, Юлия жива, – пробормотал под нос Катон, ощущая, как волна облегчения прокатывается по всему его телу. Он глубоко вздохнул, чтобы успокоить колотящееся сердце, и поглядел на Макрона. – Она считает, что я погиб?

Ветеран кивнул:

– Но не теряет самообладания – конечно, все-таки дочь сенатора. Однако ты можешь без промедления успокоить ее. А потом нам придется вновь сделать это корыто мореходным, иначе всем нам предстоит отправиться на дно.

Катон с трудом поднялся на ноги.

– Где она?

– В трюме. Помогает избавляться от груза. По собственному желанию, я здесь ни при чем, можешь не спрашивать. А теперь, – Макрон обратился к стоявшему рядом напарнику, – вернемся к делу.

Оставив Макрона и моряка управляться с громоздкой амфорой, Катон направился, ступая по палубе, к открытому люку. Его встретил широкой улыбкой выглянувший из люка Семпроний.

– Вот это встреча! А я-то уже думал, что ты погиб, центурион.

Катон принял протянутую ему руку и пожал ее. Сенатор молча посмотрел на него и негромко произнес:

– Рад видеть тебя. А я уже опасался худшего.

– И я тоже, – печальным тоном промолвил Катон. – Но боги, похоже, еще не свели со мной счеты.

– Похоже на то. Я совершу жертвоприношение Фортуне сразу же, как только мы ступим на берег.

– Благодарю тебя, господин. – кивнул Катон, вглядываясь мимо сенатора в темный трюм. Даже во мраке он немедленно узнал Юлию. Та как раз согнулась над тюком пропитанной водой тонкой ткани, пытаясь поднять его на плечо.

– Прости меня, господин. – Катон выпустил руку сенатора и спрыгнул через край люка, остановившись чуть позади Юлии. Нагнувшись, чтобы помочь девушке, он отвел в сторону ее руку, берясь за ткань. Она вздрогнула и отрезала:

– Сама справлюсь!

– Позволь мне помочь тебе, Юлия.

Та на мгновение застыла, а потом шепнула, не поворачивая головы:

– Катон?

– Конечно.

Выронив тюк, Юлия распрямилась, повернулась и бросилась ему на шею.

– Катон! О, Катон... А я-то думала...

Она посмотрела ему в глаза, губы ее дрожали. А потом девушка уткнулась лицом в его промокшую грудь и стиснула кулаки за его спиной. Ощувив дрожь и услышав рыдание, Катон чуть отстранился, чтобы заглянуть ей в лицо.

– Ну же, все в порядке, Юлия. Успокойся, моя любимая. Нет нужды плакать, я жив и здоров.

– Знаю, знаю... но я уже мысленно попрощалась с тобой.

– В самом деле? – Катон поднял бровь. В том, что он выжил в волне, чувствовалась необыкновенная удача. Он криво усмехнулся: – Одной волной, какая бы она ни была, меня не прикончить.

Юлия разжала объятия и забарабанила его кулачками по груди.

– Никогда больше так со мной не поступай.

– Обещаю. Если только на нас не обрушится новая волна.

– Катон, – буркнула она. – Не надо так!

Разговор их прервал нарочитый кашель, и, повернувшись, молодые люди увидели Макрона, который, уперев руки в бока, с интересом заглядывал в трюм.

– Если ваш разговор закончен, не стоит ли уже взяться за работу?

Первые часы ночи ушли на то, чтобы по возможности избавиться от груза. Работа постепенно становилась все более тяжелой, так как открылись нижние слои груза, состоящие из самых тяжелых предметов. Существенная доля их оказалась сорванной с места, многое разбилось о корпус или нижнюю часть люка. Однако, ко всеобщему облегчению, «Гор» поднимался все выше над водой. По мере разборки трюма становилось ясно, что корабль изрядно хлебнул воды.

– Можем начать вычерпывать, как только выбросим еще некоторое количество хлама, – решил Макрон. – Так мы вернее останемся на плаву.

Помощник капитана поскреб подбородок.

– Да, надеюсь на это.

Макрон повернулся к нему с недовольным выражением на лице.

– Есть вопросы?

– Конечно. – Помощник был явно удивлен. – Груз разбросало по всему трюму, корабль опрокидывался. Нам повезло, что он выправился. Очень повезло. Раз он остался на плаву, значит, был очень хорошо построен. Но повреждений должно быть немерено. Многие швы разошлись, наверное, открылись течи...

Макрон пожал плечами:

– Тогда нам придется вычерпывать воду быстрее, чем она поступает.

– Можно попробовать...

– Олухи пробуют; мы сделаем, – твердо сказал Макрон.

Помощник капитана чуть кивнул.

– Как знаешь. Но раз все в относительном порядке, мне придется слазить в трюм – поискать течи. А потом попытаться заткнуть их.

– И почему не полезть в него сейчас?

– Там осталось много свободного груза, центурион. Волна крепчает, и меня может раздавить или завалить, если «Гор» повалится на борт. Придется продолжить разгрузку.

– Здоровое соображение. Когда сочтешь возможным, скажи, я помогу тебе.

Макрон осмотрел палубу, и взгляд его остановился на торчащем вверх обломке мачты.

– Но меня заботит кое-что еще.

– Что именно, господин?

– Можно оставить корабль на плаву, но как заставить его плыть дальше?

Помощник указал на запасную мачту, привязанную возле одного из бортов судна.

– Придется поставить новую. Найдутся и канаты, и старый парус. Затем нужно будет сделать новый руль с рукояткой из обломков крышки трюма. Тогда мы сможем кое-как поворачивать, однако плыть будем медленно, и никакого шторма уже не переживем. – Он поежился. – И даже волны вполтину меньше той, что едва не потопила нас.

– Тогда за дело. Как только мы вернем судну ход, сразу же направляемся к ближайшей гавани на Крите.

Помощник задумался на мгновение и кивнул:

– К Матале... Лучше не придумашь.

– Значит, к Матале. А теперь за работу.

Как только помощник решил, что в трюме достаточно безопасно, он аккуратно спустился на оставшуюся грудку груза и направился к борту. Макрон помог ему спуститься, а потом спустился и сам, следуя за помощником с мешком старой промасленной парусины. Сюда, внутрь, совсем не проникал звездный свет, и ровные поскрипывания обшивки и плеск волн по обеим сторонам корпуса заставляли центуриона нервничать.

– Сюда, – позвал помощник. – Держись поближе ко мне.

– Не отстану, не беспокойся.

Помощник направился вперед, пробираясь между ребрами шпангоутов⁹ «Гора». После чего он методично проследовал назад, нащупывая трещины и течи. Время от времени замирал на месте, просил у Макрона смолёную тряпку, затем они оба, сидя на корточках в холодной воде, заталкивали неподатливый материал в узкие щели, открывшиеся в стыках досок

⁹ Шпангоут – поперечное ребро корпуса судна.

обшивки. Когда они обошли вокруг кормы, вернулись к носу и на ощупь пробрались к люку, Макрон выбрался по лестнице на палубу и опустился на нее, утомленный и замерзший.

– Неужели эти заплаты не пропускают воду? – спросил он у помощника.

– Они только уменьшат течь. Ничего лучшего мы сейчас предпринять не можем. Как только поставим мачту, выделим две смены людей вычерпывать воду.

– Отлично. Я возьму под контроль одну смену. Катон может взять вторую. Я хочу, чтобы все свои силы ты употребил на то, чтобы корабль не потонул и мы добрались до порта.

Помощник вздохнул:

– Я сделаю все, что от меня зависит, центурион.

– Конечно, сделаешь. Но если корабль пойдет ко дну и мы утонем, я сделаю из твоих кишков шнурки для сандалий. – Он хлопнул моряка по спине. – А теперь давай ставить эту самую мачту.

С помощью обоих офицеров моряки отвязали запасную мачту и приставили ее конец к пеньку, оставшемуся от основной. Затем, привязав четыре веревки к свободному концу, Макрон вместе с пятью моряками поставили ее вертикально. Помощник с двумя сильными мужчинами удерживал нижний конец мачты на месте, в то время как Катон руководил двумя отрядами, тянувшими за веревки. Новая мачта неторопливо поднялась и стала возле обрубка старой, а Макрон со своими подручными удерживал ее на месте двумя веревками. Помощник и его люди торопливо примотали новую мачту к обрубку, насколько это было возможно, и укрепили ее канатами, поняв, что ничего лучше у них уже не получится. Однако об отдыхе речи и быть не могло: экипажу пришлось укреплять мачту расчалками¹⁰, изготавливать снасти и рею, на которую пошли два связанных воедино гребных весла. Наконец, из кладовой извлекли старый парус и прикрепили его к рее. Импровизированный руль спустили за кормой в воду и приставили к нему человека, после чего парус аккуратно подняли на мачту.

Легкий ветерок наполнил своим дуновением затрепетавший парус под критическим взором помощника капитана. Тот отдал новый приказ, и «Гор» начал набирать ход по невысокой волне, как раз когда горизонт на востоке посветлел. Те, кто не помогал управлять судном, в изнеможении повалились на палубу. Сенатор Семпроний уложил Юлию головой себе на колени и укрыл дочь своим плащом. Как только помощник удостоверился в том, что корабль после выполненного ночью грубого ремонта ведет себя достаточно хорошо, он явился с отчетом к Макрону и Катону.

– Мы идем вдоль берега, господа мои. Должны добраться до Маталы к концу дня. Можем стать там на ремонт.

– Отлично, – улыбнулся Макрон. – Ты хорошо потрудился.

Помощник был слишком утомлен для изъявления благодарностей. Коротко кинув, он отдал распоряжение стоявшему у руля человеку, а затем прислонился к борту. Макрон потер руки и, оборотившись к проступающей на небе заре, произнес:

– Ну как, слышал? Живыми и здоровыми сойдем на сушу к концу дня...

Катон не ответил. Он разглядывал далекий берег Крита. Через какое-то мгновение потянулся и потер шею.

– Живыми и здоровыми, говоришь? Надеюсь на это.

Макрон нахмурился:

– Что не так? Избавление от водяной могилы уже не радует тебя?

– О, тут жаловаться не на что. – Катон заставил себя улыбнуться. – Все дело в том, что если эта волна едва не погубила корабль, то одни только боги знают, что она натворила на самом Крите...

¹⁰ Расчалка – трос, сохраняющий соединяемые части в определенном положении.

Глава 4

Пока «Гор» неспешно огибал мыс, находившиеся на борту сумели получить первое представление об опустошении, которое произвела в порту Маталы гигантская волна. Склады и причалы были разнесены вдребезги, и обломки их унесло вверх по склону к плотной группе домов, обрушившихся под тяжестью ударившей в берег воды. Разбитые рыбацкие лодки и корабли усеивали камни и скалы по обоим берегам бухты. Но и дальше по склону, выше той отметины, куда добралась вода, разрушений было не меньше. Большие и малые дома расплющены как бы ступней некоего титана. Еще выше, на суше, полыхали вырвавшиеся из-под контроля пожары, и столбы дыма уходили в полуденное небо. Среди руин можно было видеть лишь горстку людей, в основном разбиравших завалы в поисках своих родных или каких-нибудь ценностей. Прочие, еще не избавившиеся от потрясения, просто сидели, тупо глядя в пространство.

Макрон судорожно глотнул.

– Что за преисподняя здесь разверзлась?

– Волна, – пояснила Юлия. – Должно быть, она уничтожила порт, прежде чем добраться до нас.

– Тут не только волна потрудилась, – покачал головой Катон. – Волна далеко выплеснулась на сушу, но и там, куда она не дошла, видно множество разрушений. – Он повернулся к сенатору. – Похоже на то землетрясение в Вифинии, о котором ты рассказывал нам.

Семпроний какое-то время рассматривал открывшуюся перед ним картину и ответил не сразу:

– Нет, здесь хуже, много хуже. Никогда не видел ничего подобного.

Они продолжали рассматривать сцену опустошения, пока «Гор» пробирался в гавань. Несмотря на ночной ремонт, течи в корпусе корабля полностью заделать не удалось, и уцелевшие члены экипажа и пассажиры, по очереди сменяя друг друга, выстроившись цепочкой, поднимали наверх воду из трюма. Уровень воды в корпусе неспешно поднимался весь день, заставляя судно постепенно погружаться в волну и еще более замедляя и без того небыстрый ход.

Помощник смотрел в воду, приглядываясь к темным пятнам подводных камней, рассыпавшихся возле мыса. Наконец он выпрямился и указал на полоску галечника под скалой на противоположной стороне бухты.

– Я намереваюсь выбросить корабль на берег в этом месте. Судно теперь недолго продержится на плаву, господин, – пояснил он. – А на берегу его еще можно использовать вместе с той малостью, что еще осталась от груза.

– Разумная мысль, – одобрил Катон. – Впрочем, сомневаюсь в том, что корабль удастся починить в этом порту в ближайшее время. А кстати, и в любом порту на этой стороне острова. То, что произошло здесь, непременно должно было случиться и повсюду.

– Ты действительно так считаешь? – удивилась Юлия.

– Ты видела волну. Что могло преградить ей путь вдоль берега, а потом в море? Не удивлюсь, если окажется, что она дошла до берегов Сирии, и только там выдохлась. – Катон махнул рукой в сторону берега. – Такая волна и землетрясение должны были уничтожить все, что находится у моря.

Память немедленно напомнила ему о картине гибели стана рабов, который они видели еще вчера.

– Погибших должны быть сотни, а может, и тысячи. Похоже, что здесь не осталось ни одного целого дома. Кто знает, с чем мы столкнемся, когда высадимся на берег... скорее всего, с полным хаосом.

– Однако нам нужно починить корабль, – настойчивым тоном проговорила Юлия, – чтобы вернуться в Рим. Если уничтожены здешние корабли, нам придется чинить этот.

– А кто будет это делать? – спросил Катон. – Причалы исчезли. Корабельные мастерские – тоже, да и корабельных плотников, наверное, унесла и потопила волна.

Юлия на мгновение задумалась.

– Тогда что же нам делать?

Катон усталым движением провел пальцами по просоленным волосам.

– Спустимся на берег, попытаемся найти того, кто обладает какой-либо властью. Быть может, узнав о том, что среди нас находится твой отец, римский сенатор, они предоставят нам помощь и кров.

– Кров? – сухо усмехнулся Макрон. – Хорошая идея. Какой может быть кров? Насколько я вижу, зданий уцелело немного, причем большую часть их составляют обыкновенные лачуги.

– Ты прав, – согласился его товарищ. – Но под словом «кров» я подразумевал нечто более широкое.

– Как это?

– Сам думай, Макрон. Остров поставлен вверх ногами. Ты своими глазами видел вчера, что произошло с казармами рабов. Все они теперь на свободе. И, надо думать, так случилось в каждом поместье. Сейчас все будут искать еду и безопасный уголок, чтобы переждать в нем разруху. А потом будут воевать за все это. Нам нужно найти какое-то укрепление или соорудить собственное. Чтобы продержаться, по меньшей мере, до того, как придет помощь и восстановится порядок.

Макрон уставился на него кислым взглядом.

– Клянусь богами, если есть на свете жизнерадостная душа, Катон, так это ты. Едва спаслись из воды, а ты уже пророчишь худшее...

– Ну, прости.

Центурион посмотрел на Юлию.

– И ты еще хочешь выйти за него, молодая госпожа? За человека, у которого амфора всегда наполовину пуста?

Девушка не ответила, но придвинулась к Катону и взяла его за руку.

Следуя приказам помощника, «Гор» боком пересек гавань, направляясь к галечной полосе; приблизившись к берегу, мореплаватели заметили разбросанные по галечнику обломки. Среди разбитых в щепу досок и прядей водорослей можно было видеть несколько распростертых тел. Корабль неуклонно приближался к берегу; помощник кормчего то и дело поглядывал за борт, прикидывая глубину. Когда над его головой вырос высокий утес, ноги Катона ощутили легкий толчок, и палуба остановилась.

– Отвязать парус! – скомандовал помощник кормчего. А когда парус заполоскался под тихим ветерком, глубоко вздохнул и отдал другой приказ: – Спустить парус!

Моряки отвязали веревки, удерживавшие запасной парус, и аккуратно опустили на палубу рею. И тут, наконец, покорившись изнеможению и напряжению наполненных отчаянием ночных часов и целым днем вытаскивания воды из трюма, экипаж и пассажиры дружно повалились на палубу отдыхать.

– И что же нам теперь делать? – спросила Юлия.

– Нам? – поднял бровь Макрон. – Я хочу, чтобы ты, молодая госпожа, оставалась на корабле. Вместе со всеми выжившими моряками и пассажирами. А тем временем мы с Катоном и твоим отцом сходим в Маталу, чтобы узнать, как там дела.

– Я пойду с вами.

– При всем почтении, молодая госпожа, скажу тебе – нет. Пока мы не убедимся в том, что здесь безопасно.

Юлия нахмурилась и перевела взгляд на Катона.

– Возьми меня с собой.

– Не могу, – ответил тот. – Макрон старше по званию. Если он сказал «нет», значит, нет.

– Но Катон...

– Он прав, моя дорогая, – вмешался Семпроний. – Тебе придется остаться здесь. На какое-то время. Мы скоро вернемся. Я обещаю.

Юлия посмотрела отцу в глаза и через какое-то мгновение кивнула.

– Ну, хорошо. Только не рискуйте.

– Ну, рисковать-то мы не станем, – заверил ее Макрон. – Пошли, Катон. Заберем наше вооружение из каюты.

– Вооружение?

– Водой не смыло, я проверял, – пояснил Макрон. – Если на берегу и на самом деле творится такое, о чем ты только что говорил, я предпочту идти туда при оружии.

По прошествии некоторого времени оба центуриона вместе с сенатором уже шли по мелководью от брошенного с носа причального трапа. Помощник капитана «Гора» приказал двоим матросам взять главный якорь и занести его на галечник, прежде чем опускать рогами в грунт. Он еще опробовал надежность крепления якоря, когда трое римлян вышли на сушу и по гальке направились к более надежной почве.

– Всё в порядке? – спросил Макрон.

Помощник кивнул:

– Надежнее корабль уже не поставить. Во всяком случае, теперь не потонет.

– Отлично. Ты хорошо потрудился. Твой капитан был бы тобой доволен.

Помощник склонил голову.

– Наверно. Он был хорошим человеком, господин. Лучшим капитаном из всех, с кем мне пришлось плавать.

– Прискорбная утрата, – равнодушным тоном отозвался Макрон. – А мы направляемся в порт, или точнее в развалины порта, разведать ситуацию. Пока оставайся здесь. Прикажи экипажу держаться по возможности ближе к кораблю, и пусть никто чужой не поднимается на борт.

– Почему?

– Делай так, как я сказал, ладно? Будем надеяться на то, что кто-то уже успел навести в Матале какой-то порядок. Но если нет... тогда мне хотелось быть уверенным в том, что ты следишь за своими людьми и дочерью сенатора. Понятно?

– Да, господин. – Помощник многозначительно кивнул. – В кормовой кладовой у нас заперто кое-какое оружие. На случай нападения пиратов.

– Надеюсь, оно тебе не понадобится, – кисло ухмыльнулся Катон. – Но действуй по обстановке. Если что пойдет не так, загоняй всех на корабль и поднимай трап.

– Да, господин. Удачи.

– Удачи? – Макрон похлопал по висевшему у пояса мечу. – Вот она – моя удача.

Оба центуриона и сенатор побрели к порту по прибрежной гальке. Овернувшись через плечо, Катон увидел, что Юлия следит за их продвижением с носовой палубы. Заметив, что он оглянулся, девушка робко помахала рукой, и Катон усилием воли заставил себя не ответить таким же жестом. Он вновь оказался на войне, и все то время, пока они шли по краю галечника, пристально следил за оставшимися с левой стороны утесами, стараясь не пропустить признаки возможной опасности.

До гавани было не более четверти мили, и по мере приближения к ней оставленного откатившейся волной мусора становилось все больше и больше. А потом начались трупы. Застывшие в неестественных позах тела лежали вперемешку с обломками домов, лодок и унесенными из складов товарами. Волна убивала без разбора, и троим римлянам приходилось перешаги-

вать через трупы детей и стариков. Увидев лежавшую на боку молодую женщину, к груди которой был привязан широким платком младенец, Катон ощутил укол жалости: оба были мертвы. Остановившись на мгновение, он пристально посмотрел на трупы.

Макрон остановился рядом.

– Бедняжка. У нее не было ни единого шанса.

Катон молча кивнул.

Его спутник поглядел вверх, на пологий берег и руины порта.

– Завтра здесь будет смердеть. Нужно как-то разобраться с телами.

– Разобраться? – поднял бровь Семпроний.

– Да, господин. Собственно меня смущает не запах. Дело в том, что за смертоубийством такого масштаба неминуемо приходит болезнь. Я видел, как это случается после осады. Дело было на юге Германии, много лет назад, вскоре после того, как я впервые пошел под орлами. Защитники просто не подбирали трупы, оставляя их на месте, а погода была жаркая. Как в печке. Словом, когда уцелевшие сдались, воняло у них в крепости, как на бойне. И внутри повсюду гуляло поветрие.

– И что вы сделали? – спросил Семпроний.

– А что мы могли сделать? Легат¹¹ приказал, чтобы уцелевшие оставались в крепости, а потом запер ворота снаружи. Нельзя было позволить, чтобы мор перекинулся на наше войско. По прошествии месяца в живых осталась разве что горстка горожан, настолько дохлых от болезни, что они и в рабы не годились. А вот если бы они хоронили своих, как это положено, выживших оказалось бы куда больше.

– Понимаю. Будем надеяться на то, что начальствующий над портом, если таковой есть, примет нужные меры.

Макрон прищелкнул языком.

– Собачья будет работенка, господин.

– Не наша забота, – пожал плечами Семпроний. – Пошли.

Они шли вдоль берега, пока, наконец, не добрались до руин сторожевой башни, охранявшей вход в гавань. Каменные блоки стены высотой в человеческий рост оставались на месте, однако деревянные брусья, на которых располагался помост, снесло волной. То же самое произошло и с воротами, даже стены поддались ярости волны, обрушившейся на Маталу. Порт, раскинувшийся за едва заметными руинами стены, превратился в груды обломков, древесной щепы и битой черепицы, завалившими четкую решетку улиц, некогда кишевших обитателями приморского городка. Теперь лишь горстка людей ковыляла среди руин, а некоторые сидели и отрешенно вглядывались вдаль.

Потрясенные открывшейся перед ними сценой, трое римлян застыли на краю Маталы. Макрон глубоко вздохнул.

– Так просто через город не проберешься. Лучше обойти по краю и посмотреть, как обстоят дела подальше от воды. – Он показал вверх на склон. Утесы по обе стороны бухты уступали место пологим холмам, обрамлявшим город и сужавшимся к ложине, загигавшейся в невидимой дали, уводя от берега.

Все трое пошли дальше, не отходя далеко от изломанных остатков стены. Склон лишился изрядной доли прежде покрывавших его кустарников и деревьев, и теперь его покрывала все та же кошмарная мешанина мусора и трупов людей и животных, с которой трое мужчин познакомились еще на берегу. Они миновали остатки небольшого грузового кораблика, который волна унесла даже за пределы города и разбила на куски об огромный камень, оставив только шпангоуты с несколькими досками обшивки, застрявшими между камней. Зрелище это все-

¹¹ Легат – имперский наместник в римской провинции.

ляло священный трепет в душу Катона. Сила волны была столь же ужасна и невероятна в своем могуществе, как гнев богов.

Как только они добрались до лощины, Катон и его спутники обнаружили, что проще всего было перелезть через остатки стены и осторожно пробираться между руинами. Немногочисленная банда молодчиков деловито таскала ценности из разрушенного дома, должно быть, принадлежавшего одному из самых состоятельных семейств порта. Несколько мраморных бюстов уже валялись возле развалин, а грабители усердно выносили из дома серебряные тарелки и шкатулки с пожитками. Прервав свое занятие, они с опаской посмотрели на проходивших мимо римлян. Рука Макрона привычно потянулась к мечу.

– Плюнь, – буркнул Катон, – нам сейчас не до них.

– Жаль, – фыркнул Макрон, опуская руку вдоль тела.

Дальше они шли, не говоря друг другу ни слова. На противоположной стороне лощины открывалась просторная долина, на которой разрушения, вызванные волной, уступали место последствиям землетрясения, потрясшего остров до самого его основания. Здесь не было портового мусора. Большинство домов просто рухнуло на головы тех, кто находился внутри. Другие дома были разрушены только частично, и лишь несколько вовсе не претерпели никаких разрушений. То же самое можно было сказать о крупных зданиях. Некоторые из храмов превратились просто в груды битого камня, окруженного сломанными колоннами, торчавшими из кучи камней, словно гнилые зубы. Другие, неповрежденные, горделиво высились над руинами. Здесь в живых осталось намного больше людей, чем в порту. Сотни горожан разбирали завалы, спасая из своих домов все, что можно было спасти, или вытаскивая пожитки из жилищ убитых. Небольшие группы местных жителей рассыпались по склонам холма и на равнине, на небольшом расстоянии от города. Тонкие струйки дыма тянулись вверх от маленьких костерков, возле которых ночью грелись уцелевшие.

На большой скале располагался городской акрополь¹², относительно не затронутый катастрофой. Стены остались на своем месте, хотя одна из приземистых башен съехала вниз, на город, с небольшого утеса, раздавив при этом несколько домов. Несколько солдат охраняли верхнюю часть пологого откоса, ведущего к воротам акрополя, а за стенами были видны крыши административного здания, также выдержавшего землетрясение.

– Похоже, что на лучшее рассчитывать было невозможно, – заметил Катон. – Туда нам и надо.

Семпроний кивнул и возглавил путь по главной улице, шедшей к акрополю от окраины. Прежде эта улица была шириной в пятнадцать шагов, но теперь края ее скрывали развалины, и только по самой середине между битым камнем тянулась узкая тропка. Добравшись до насыпи, трое римлян направились вверх к воротам. Часовые немедленно зашевелились и попытались преградить им дорогу. Макрон с прохладцей посмотрел на них. У часовых были овальные щиты вспомогательных войск, однако они выглядели взволнованными и им было не по себе. Их предводитель, оптион¹³, шагнул вперед и поднял руку.

– Не подходите ближе. Кто вы и по какому делу?

Семпроний кашлянул и принял важную позу.

– Я – Гай Семпроний, римский сенатор. Это мои спутники, центурионы Макрон и Катон. Нам необходимо повидать старшего римского сановника в этом городе. Немедленно.

Оптион внимательно рассмотрел стоявших перед ним мужей. Бесспорно, назвавший себя аристократом держался именно так, как и полагалось персоне его ранга, а того из его спутников, что был ниже ростом, украшало достаточное количество шрамов, что вкупе с крепким сложением делало его подходящим для солдатской профессии. Однако второй был худощав и

¹² Акрополь – возвышенная и укрепленная часть древнегреческого города, т. н. «верхний город»; крепость.

¹³ Оптион – помощник центуриона в древнеримском легионе.

молод и не обладал внешними признаками высокого чина. Помимо армейских мечей, ничто не могло подтвердить слова первого пришельца. Все трое были одеты в простые туники, на грязных лицах проступала щетина.

– Сенатор, говоришь? – Оптион нервно облизнул губы. – Прости меня за такие слова, господин, но чем ты можешь доказать это?

– Доказать? – нахмурился Семпроний, выставляя вперед руку, чтобы показать золотое сенаторское кольцо, перешедшее к нему от отца. – Вот! Тебе достаточно?

– Ну, наверное... – осторожно проговорил оптион. – А что-нибудь еще есть?

– Что еще тебе нужно? – возмутился Семпроний. – Кольца довольно. А теперьпусти нас, и пусть кто-то из твоих людей проводит нас к тому, кто командует здесь. Пока я не подверг тебя наказанию за неподчинение.

Оптион вытянулся в струнку и отсалютовал.

– Да, господин. Открыть ворота!

Двое из его подчиненных бросились к воротам и потянули тяжелые створки. Дверь со стоном отворилась. Взяв с собой четверых своих людей, оптион лично повел сенатора и обоих центурионов в глубь акрополя. За воротами оказался небольшой дворик, по обеим сторонам которого тянулись приземистые складские помещения, а впереди располагалась базилика¹⁴. С крыши ее съехало несколько черепиц, и она была разрушена с одного края. В остальном здание оказалось неповрежденным. Солдаты вспомогательных войск сидели в тени стены акрополя, и кое-кто из них с любопытством проводил взглядом оптиона, сопровождавшего римлян к входу в базилику.

– Похоже, что вам повезло, – заметил Макрон. – Здесь, наверху, особых разрушений не видно.

– Да, господин, – оптион огляделся. – Увы, многие из парней находились в городе, когда начался тряс земной. А потом ударила волна. До сих пор не могу досчитаться половины когорты¹⁵.

– Когорты? Какая когорта здесь стоит?

– Двенадцатая Испанская, господин.

– Гарнизонная?

– Последние пятнадцать лет, – пояснил оптион. – Прежде находилась на дунайской границе. Но это было до меня, конечно.

– Понимаю, – кивнул Макрон. – А кто здесь командует?

– Префект¹⁶ Люций Кальпурний, но сейчас он в Гортине¹⁷, столице провинции, вместе с прочей знатью. На время своего отсутствия он оставил распоряжаться центуриона Портиллуса.

Вступив в базилику, они миновали пустые помещения и пересекли центральный зал, направляясь к цепочке комнат на противоположной стороне здания. Остановившись возле открытой двери, оптион постучал по раме.

– Входи! – откликнулся усталый голос.

Оптион жестом велел своим людям оставаться снаружи и пригласил Семпрония и его спутников в кабинет префекта. Прикрытые ставнями окна просторной комнаты смотрели над городом в сторону моря. В обычный день из них открывался бы превосходный вид, подумал

¹⁴ Базилика – большое общественное здание, возводившееся в центре древнеримских городов. Здесь отправлялось судопроизводство, заключались торговые сделки; кроме того, горожане приходили сюда провести время.

¹⁵ Когорта (*лат.* *cohors*, букв. «огороженное место») – одно из главных тактических подразделений римской армии, с конца II века до н. э. составлявшее основу когортной тактики. С этого времени в легионе стало 10 когорт. При Августе когорта состояла из 555 пехотинцев и 66 всадников; кроме того, в первой когорте было удвоенное число воинов.

¹⁶ Префект – вообще всякий представитель какой-нибудь деятельности, круга обязанностей или коллегии, государственной, городской и так далее.

¹⁷ Гортина, или Гортин – в древности значительный город на о-ве Крит, при р. Лефее (ныне Иеропотамо), известный еще Гомеру, с храмами Аполлона, Артемиды и Зевса.

Катон, но сегодня окна смотрели на панораму разрушения и страданий. Перед окнами за столом сидел плотный мужчина в красной армейской тунике, совершенно лысый и покрытый морщинами. Прищурясь, он посмотрел на посетителей.

– Да? А, это ты, оптион. Кто эти люди?

– Они пришли к главным воротам, господин. – Оптион показал на Семпрония. – Этот благородный муж утверждает, что является римским сенатором Гаем Семпронием. Двое других, по его словам, – центурионы.

– Понятно. – Портиллус вновь прищурился, а затем поднялся из кресла и подошел к гостям, чтобы разглядеть их более внимательно. – Итак, господин мой, могу ли я спросить, что вы делаете здесь, в Матале?

– Безусловно, – терпеливо ответил Семпроний. – Мы находились на направлявшемся в Рим корабле. И вчера вечером возле берегов Крита нас поразила гигантская волна.

– Откуда шел ваш корабль? – прервал его Портиллус. – Из какого порта?

– Из Кесарии, на сирийском берегу, – немедленно ответил Семпроний.

– Может ли это подтвердить капитан корабля?

– Его унесла волна. Но ты можешь расспросить первого помощника, если ощущаешь подобную необходимость.

– Могу. Позже. – Портиллус подозрительно уставился на всех троих. – Полагаю, вы видели, что натворила волна в Матале. Отсюда возникает вопрос: если ей хватило силы разрушить целый город, то как мог уцелеть простой корабль?

– Клянусь богами, не сказал бы, что он уцелел! – вмешался Макрон, одаривший Портиллуса яростным взором. – А вот тебя происходящее, похоже, не затронуло. Не потрудишься ли объяснить, а? Сидишь себе здесь, когда от твоего города осталось смердящее дерьмо.

Семпроний опустил руку на плечо Макрона.

– Довольно. Центурион Портиллус имеет право на осторожность. В ближайшее время на острове обнаружится немало празднующегося люда. Пришедший к нему может назвать себя любым именем. Подтвердить свои слова я могу только имеющимся при мне сенаторским кольцом. Вот, смотри.

Он протянул руку Портиллусу, чтобы тот мог рассмотреть кольцо.

Портиллус поскреб подбородок.

– Ну, хорошо, предположим, что вы являетесь теми, кем назвались. Что вы делаете здесь?

– Матала оказалась ближайшим портом, куда смог дотянуть наш корабль, после того как мы по возможности залатали повреждения, – пояснил Семпроний. – Мы надеялись на то, что наш корабль здесь отремонтируют, или что нам удастся пересесть на другой корабль и продолжить путь. Но теперь, увидев, что осталось от Маталы, я понимаю, что мы застряли здесь до прибытия какого-нибудь корабля. А в таком случае нам необходимо жилье на время пребывания здесь. Я надеялся на помощь твоего командира, но, вижу, он отсутствует в городе.

– Ты прав. Он отправился в Гортину, во дворец правителя, на ежегодное пиршество. С префектом и всей местной знатью. Как только нас поразили землетрясение и волна, я послал к нему вестника. Он может вернуться в любой момент и взять бразды правления в свои руки.

– А далеко ли отсюда Гортина? – спросил Катон.

– До нее примерно пятнадцать миль.

– И префект еще не вернулся и не прислал свой ответ?

– Нет, пока еще нет.

Макрон глубоко вздохнул, стараясь подавить в себе чувство негодования.

– А что ты сделал с тех пор?

– Сделал?

– Да, сделал... чтобы помочь этим людям. – Макрон указал большим пальцем в сторону окна. – Чтобы спасти оказавшихся в завалах, помочь раненым, накормить и напоить уцелевших и восстановить порядок. Что?

Портиллус нахмурил лоб.

– Я сделал все необходимое, чтобы собрать всех людей из моей когорты и приготовить их к возвращению префекта, дабы они могли исполнить те приказания, которые он отдаст после возвращения из Гортины. Вот что я сделал.

– Дерьмо собачье! – рявкнул Макрон. – Херня, а не работа. Ты со своими людьми просиживаешь свою задницу за воротами крепости, когда людям внизу нужна ваша помощь. Вы должны поддерживать здесь порядок. У гарнизона сейчас бездна дел.

Семпроний кашлянул.

– Макрон, я не сомневаюсь в том, что центурион Портиллус и его люди сделают все необходимое после возвращения префекта.

– Если только он вернется, – добавил Катон.

Все повернулись к нему. Портиллус удивленно приподнял брови.

– Почему это он не вернется?

– А когда именно ты послал ему весть?

– Прошлой ночью.

– Значит, у него было время на то, чтобы вернуться или ответить. Почему же тогда от него нет вестей?

– Не знаю, – взмахнул рукой Портиллус. – Могло случиться все, что угодно. Быть может, в Гортине его задержали дела.

– Такое возможно, – согласился Катон. – Но если происшедшая катастрофа не ограничилась Маталой, Гортина должна была пострадать ничуть не меньше.

Пока Портиллус пытался переварить следствия, проистекающие из слов Катона, по базилике пронесся цокот конских копыт. Макрон повернулся на звук и подошел к двери. От входа по залу уже бежал воин в плаще, направляясь прямо к палатам префекта.

– Похоже, что мы сейчас узнаем о том, что произошло в Гортине, – ровным тоном промолвил Макрон.

Мгновение спустя новоприбывший, стараясь отдышаться, стал перед тремя офицерами и сенатором. Плащ и лицо его были покрыты пылью после отчаянной скачки. Гонец постарался выпрямиться и отсалютовать, прежде чем изложить свою весть.

– Это и есть тот человек, которого ты послал в Гортину? – спросил Семпроний.

Кивнув, Портиллус посмотрел на гонца.

– Ты нашел префекта?

– Да, господин. То есть я видел его.

– Как это видел? Что ты хочешь сказать? Не городи ерунды!

– Я видел его тело, господин. Префект мертв. Как, наверное, и почти все сановники провинции, господин.

– Мертв? – Портиллус покрутил головой. – Но как это произошло?

– Все они находились на пиру во дворце правителя, когда началось землетрясение. Крыша здания обрушилась на пирующих. Выжившие люди правителя весь день вытаскивали трупы из руин дворца, господин. В живых остались немногие. И то некоторые из них долго не протянут.

– Не верю, – пробормотал Портиллус. – Это попросту невозможно.

Катон шагнул к гонцу.

– А как сам правитель? Тоже погиб?

– Нет. Был еще жив, когда я оставил Гортину. Но плох, очень плох. Ему перебило ноги. Он отослал меня назад с приказом центуриону Портиллусу.

– Мне?

– Да, господин. Теперь ты являешься высшей римской властью в Матале. Он приказал тебе принять здесь командование.

– Мне? – Глаза Портиллуса округлились от неожиданности и тревоги. – Неужели там нет никого старше меня чином... должен же найтись кто-то еще.

– Таковых нет, господин.

– Мне... мне надо подумать, – Портиллус отошел к окну и поглядел в него. – Мне нужно время, чтобы составить план... время, чтобы восстановить порядок. Я...

Он умолк, и плечи его поникли. Склонившись к Катону и Семпронию, Макрон пробормотал:

– Не назвал бы надежной эту пару рук.

– Ты прав, – ответил Семпроний. – Придется что-то предпринять. Прямо сейчас.

Глава 5

Кашлянув, сенатор шагнул к столу префекта.

– Центурион Портиллус!

Офицер торопливо повернулся, уловив командную нотку в голосе сенатора.

– Центурион Портиллус, в настоящей экстренной ситуации я возлагаю на себя обязанности правителя. А также верховное командование всеми армейскими и флотскими силами, присутствующими на Крите, начиная с твоей когорты. Ты понял?

Портиллус был явно изумлен подобным поворотом событий, как и все прочие в комнате. Судорожно глотнув и всплеснув руками, он проговорил:

– Но, господин, правитель, как ты только что слышал, назначил меня.

– Правитель действовал, исходя из того факта, что ты являешься старшим среди уцелевших офицеров. Он не мог знать, что на острове присутствую я или эти двое офицеров. Будучи центурионами легионов, они превосходят тебя в чине, а я, будучи сенатором, пользуюсь соответствующими полномочиями. Именно я являюсь подходящей заменой правителя Гирция и потому намереваюсь принять на себя верховное командование. Надеюсь, это понятно?

Портиллус кивнул и прикусил губу.

– Ты оспариваешь мое решение?

– Ну... словом, да, господин. Остается вопрос протокола.

– Протокола? – проворчал Макрон. – О чем это ты?

– Строго говоря, чтобы вступить на землю провинции, сенатор нуждается в разрешении императора, – нервным тоном продолжил Портиллус.

– Что? – возвысил голос Макрон. – Какую чушь ты несешь? Наш сраный корабль течет, словно решето. Куда еще мы могли бы приплыть? Или, по-твоему, нам следовало бы сперва доплухать до Рима, чтобы получить одобрение императора, который милостивым кивком разрешил бы нам ступить ногой на этот трижды поганый островок?

– Этого требуют правила, господин.

– Вот дерьмо! – возмутился Макрон. – Плевать на всякие правила, дурак.

Вмешался Семпроний.

– Центурион Портиллус совершенно правильно поднимает этот вопрос. Однако с учетом обстоятельств... чрезвычайных обстоятельств, я бы сказал... полагаю, что общепринятую процедуру можно проигнорировать. К тому же, – он повернулся к Портиллусу, – я уверен в том, что ты охотно переложил бы ответственность за когорту на старшего по званию офицера. Разве не так?

Портиллус склонил голову.

– Конечно, господин. Как прикажешь... – Посмотрев на застывшего возле двери гонца, он продолжил решительным тоном: – Однако я естественным образом хочу иметь твою расписку в том, что ты настоял на том, чтобы принять командование, и возлагаешь на себя полную ответственность за свои действия, господин.

– Как тебе угодно, ты получишь такую расписку, – ответил Семпроний, постаравшись изгнать из голоса презрение. – Итак, я принимаю командование. Ты согласен?

– Да, господин.

– Тогда начнем с восстановления порядка в Матале и оказания помощи всем, кто выжил при землетрясении. – Сенатор посмотрел на Катона и Макрона и на мгновение задумался, прежде чем принять решение. – Центурион Макрон, возлагаю на тебя заботу о порядке в Матале. Приказываю тебе сделать все необходимое для того, чтобы помочь местным жителям. Ты распоряжаешься всеми оставшимися запасами съестного и уцелевшими домами. Особое внимание уделяй спасению раненых и засыпанных в руинах. И никаких грабежей, подобных

тому, что мы видели на пути сюда. Любыми средствами предотвращай подобные беззакония. Понятно?

– Да, господин.

– Хорошо. Тогда, центурион Катон, мы с тобой немедленно выезжаем в Гортину. Нужно посмотреть, что там осталось от властей провинции. И там нам придется задержаться, чтобы восстановить правление на Крите и управиться с этим хаосом.

Катон кивнул.

– Да, господин. А как быть с кораблем и теми, кто остался на борту?

Семпроний улыбнулся:

– Юлии там пока ничто не грозит.

– Но здесь она будет под более надежной охраной, господин.

– Конечно. Центурион Макрон позаботится и об этом.

Макрон потрепал друга по плечу.

– Доверься мне, брат.

– Можешь, кстати, позаботиться обо всех остальных матросах и пассажирах, – продолжил Семпроний. – Добавь их к составу когорты. Пусть они не солдаты, но люди надежные. Они более чем доказали, что на них можно положиться в беде.

– Я учту это.

– Моряки? – Центурион Портиллус покачал головой. – В Двенадцатой Испанской? Парни не потерпят этого, господин.

– Потерпят все, что я прикажу, – твердым тоном проговорил Макрон. – И судя по тому, что я видел, они окажутся желанной добавкой к бездельникам, валяющимся под стенами акрополя. А теперь, Портиллус, я хочу, чтобы всех солдат и офицеров созвали на построение. Пора познакомить их с новым командиром.

Как только Портиллус поспешил исполнять приказание, Семпроний пожал руку Макрона.

– Удачи тебе, центурион. Делай все возможное. Если что-то потребуется, посылай ко мне гонца в Гортину.

– Да, господин. И как долго ты намереваешься там остаться?

Подумав мгновение, Семпроний пожал плечами.

– Пока будет необходимо, наверное. Только богам известно, что мы там обнаружим и какова ситуация в остальной части провинции. Ознакомившись с ней, я пришлю тебе известие в Маталу.

Сенатор и Катон позаимствовали из кладовой префекта пару плащей, чтобы не замерзнуть во время ночной скачки в Гортину, выбрали двух лучших коней из конюшни, располагавшейся в углу между двух стен акрополя, и сели в седла. Когда обе лошади направились в сторону ворот, солдаты когорты уже строились под неодобрительным взглядом Макрона, оставшегося в тени колоннады базилики. Проезжая мимо, Катон повернулся в седле.

– До скорой встречи, Макрон.

– Береги себя, дружище. Похоже, что нас ждут сучьи времена.

Возле ворот Семпроний прищелкнул языком и перевел коня на рысь, направляясь вниз по откосу к основной улице города, обрамленной руинами. Проехав через остатки ворот, Катон бросил последний взгляд на море. Хотя он не мог видеть ту сторону бухты, где на берегу остался «Гор», сердце его пронзила острая тревога за Юлию.

Семпроний заметил выражение на лице молодого офицера и улыбнулся.

– Успокойся, Катон. Пока она находится под защитой Макрона, ей ничто не грозит.

Катон заставил себя улыбнуться в ответ.

– Знаю. Не позавидовал бы тому человеку, который дерзнет бросить ему вызов.

Они ехали по ведущей в Гортину дороге, пролегавшей по плавным холмам, где можно было видеть новые картины произведенных землетрясением разрушений. Здание за зданием, виллы, фермы, придорожные святилища были обрушены и превращены в груды кирпича, черепицы и ломаной древесины. Уцелевшие вытаскивали из руин раненых; то и дело попадались рядки обряженных в саваны тел, приготовленных к погребению или кремации. Живые взирали на проезжавших мимо всадников с откровенным ужасом и немым изумлением, и Катон, ощущая себя виноватым, следовал за Семпронием, пытаясь не обращать внимания на страдание, своей тяжестью придавившее землю вдоль всей дороги до Гортины.

Когда начали сгущаться сумерки, Семпроний велел остановиться и дать коням отдых на окраине небольшой деревеньки. Здесь не уцелело ни одного дома, и на пороге ночи живые в зловещем молчании жались друг к другу под теми остатками крова, которые еще можно было найти. Не слышно было ни горестных стенаний, ни стонов раненых. Только от близлежащих руин небольшой фермы доносились тихие всхлипывания. Привязав своего коня к стволу дерева, Катон направился на звуки плача.

– Катон, – негромко остерег его Семпроний, – не заходи далеко.

Центурион кивнул и осторожно направился дальше. В сумраке еще была видна поваленная стена и разлетевшиеся по земле возле нее черепицы. Звук сделался более громким. Пригнувшись к каменным блокам, прежде образовавшим стену, молодой человек заметил движение под одной из лежавших неподалеку больших черепиц. Он пригнулся и аккуратно снял черепицу. Тонкий голосок вскрикнул, и Катон увидел верхнюю часть тельца маленького, двухлетнего на первый взгляд, ребенка, лежавшего на спине. Малыш был без одежды, пухлое бледное тельце покрывала грязь и запекшаяся кровь. Черепица ударила его по голове, содрав часть кожи вместе с волосами, и черная липкая масса запекшейся крови закрывала часть головы. Глаза ребенка были открыты, круглые синие глаза внимательно смотрели на Катона, и он не переставая скулил.

– Все в порядке, – негромко проговорил Катон. – Тихо ты, все в порядке.

Он убрал мелкие камушки с открытой части тела ребенка и принялся за крупный камень, прикрывавший его от груди до пят. Взявшись за края камня, он поднял его и заметил, что имеет дело с мальчиком. Как только давление на тазе и ногах исчезло, малыш отчаянно закричал пронзительным, полным муки голосом. Отбросив камень, Катон взял мальчика за руку.

– Ну вот, тебе теперь уже легче. Тихо. Молчи. – Катон перевел взгляд на ноги ребенка, и на него сразу же накатила волна дурноты. Камень раздавил детское тело, перебив кости. Тонкие обломки перебитых берцовых костей пронзали кожу.

Мальчонка еще раз вскрикнул и вдруг затрясся всем телом. Торопливо расстегнув застежку плаща, Катон прикрыл им ребенка, подложив один конец под его голову вместо подушки. Все это время крохотная ладошка мальчика с удивительной силой сжимала пальцы Катона; наконец, ребенок притих, глядя на Катона, содрогаясь всем телом и судорожно дыша. Совсем рядом хрустнул гравий под ногами, и, подняв взгляд, Катон увидел Семпрония, подошедшего, чтобы увидеть причину криков.

– И что это у нас тут?

– Мальчик. – Катон отодвинулся в сторону, чтобы сенатор смог увидеть ребенка. – Обрушившаяся стена придавила его.

– В каком он состоянии?

Катон проглотил скопившуюся во рту горечь, и горло его перехватило. Прокашлявшись, он смог ответить:

– Ноги его перебиты.

– Вижу... жить будет?

Какое-то мгновение Катон молчал. Ему хотелось сказать, что мальчик будет жить, что его можно спасти. Но это было ложью. Даже если он выжил бы каким-то чудом, то до конца

своих дней остался бы калекой. Никто до сих пор не пришел, чтобы спасти его; Катон поглядел на развалины дома за упавшей стеной, под которыми, вне всякого сомнения, были погребены все члены его семьи. Он посмотрел на ребенка, заставил себя улыбнуться ему, и только потом негромко ответил сенатору:

– Сомневаюсь, что он переживет эту ночь, если мы оставим его здесь, господин. Чудом следует назвать уже то, что он еще жив. Он может остаться в живых, если мы сумеем найти того, кто позаботится о нем. Хирург Двенадцатой Испанской мог бы спасти ему жизнь, но, увы, ценой ног.

Семпроний посмотрел на Катона прищуренными глазами и решительным тоном сказал:

– Жаль, что мы не можем отвезти его назад в Маталу.

– Но почему? До Маталы всего два часа езды по дороге.

– Два часа туда, два часа обратно, а скорее всего, три, потому что ехать придется в темноте. Мне очень жаль, Катон, но мы не можем позволить себе вернуться в Маталу. Нам нужно спешить.

– Почему? – Катон поднял взгляд на Семпрония. – Сперва нужно позаботиться о ребенке.

– У нас на это нет времени. А теперь оставь его, и поехали дальше.

– Оставить его? – Катон покачал головой. – В таком состоянии? Не оставив ему даже шанса?

– У него нет и половины шанса. Ты сам это сказал.

Катон все еще не мог выпустить ручонку мальчика. Он прикусил губу.

– Нет. Я не могу бросить его, господин. Это несправедливо.

Семпроний глубоко вздохнул:

– Центурион Катон, сейчас нам с тобой не до справедливости и несправедливости. Я приказываю тебе.

Оба мужчины взирали друг на друга в напряженном молчании. Затем ребенок вновь пискнул, и, посмотрев вниз, Катон погладил светлые волосики мальчика свободной рукой.

– Тихо, малыш. Тихо...

– Катон, – продолжил Семпроний настойчивым тоном, – нам надо ехать дальше. Мы должны попасть в Гортину так скоро, как это только возможно... чтобы восстановить порядок, чтобы помочь людям, чтобы спасти тех, кого еще можно спасти. А чем мы можем помочь ему? Немногим. Но если мы потратим лучшую часть дня на то, чтобы доставить этого ребенка назад в Маталу, тогда в опасности могут оказаться другие люди.

– Возможно, – ответил Катон. – Как знать? Однако, если мы сейчас бросим мальчика, он точно умрет в холоде и одиночестве.

– Может, умрет, может, нет. Его может кто-то спасти.

– Ты действительно веришь в это?

– А ты действительно считаешь, что наша задержка в пути не поставит под угрозу многие жизни в Гортине? – возразил Семпроний.

Катон нахмурился, раздираемый на части справедливостью слов сенатора и нравственным порывом, побуждавшим его позаботиться о мальчугане. Он решил попробовать другой ход.

– А если бы это была Юлия? Что бы тогда ты сказал?

– К счастью, это не Юлия. Катон, мальчик мой, обратись к разуму. Ты – офицер, у тебя более широкие обязанности – есть долг, есть империя. Тебе ведь, конечно, приходилось во время сражений оставлять тяжелораненых на поле боя? Этот мальчик – такая же жертва судьбы, и ты ничем не можешь изменить этого. Более того, скажу, что малейшее движение причинит ему жутчайшую боль. Ты и в самом деле готов подвергнуть его мучительной скачке в Маталу? Только для того, чтобы он умер там? Милосердие скорее требует оставить его на

месте. – Семпроний опустил ладонь на плечо Катона и пожал его. – Поверь мне... А теперь нам надо идти. Пошли.

С горечью в сердце Катону пришлось признать правоту Семпрония. Что бы ни говорило его сердце, у него были обязанности перед другими людьми, перед многими людьми. Отвернувшись от мальчика, он выпустил из ладони крошечную ручонку. Пальчики сразу же зашевелились и попытались вцепиться в Катона, глаза ребенка наполнились ужасом. Катон отодвинулся, убрал руку и вскочил на ноги.

– Пошли. – Семпроний поманил его в сторону стреноженных коней. – У нас нет лишнего времени.

Едва Катон повернулся и последовал за сенатором, сумрак пронзил полный ужаса и паники тоненький голосок, словно дротик проникший в самое сердце молодого человека. Душу центуриона коробило от сознания собственной мерзости, он ощущал себя холодным и бесчеловечным существом, позабывшим обо всех качествах, делающих человека человеком.

– Надо ехать, – возвысил голос Семпроний, схватив Катона за руку и потянув прочь от становящегося все более громким детского крика. – По коням, и поехали. И не забывай того, что я тебе только что сказал. В тебе нуждаются сейчас другие люди.

Он подвел Катона к коню и чуть подсадил молодого человека, помогая тому сесть в седло. После торопливо снял путы с ног коня, ткнул поводьями в руки Катона, после чего хлопнул по боку животного, с пронзительным ржанием тронувшегося с места. Затем Семпроний сам поднялся в седло и прищепил коня следом за своим спутником. Поравнявшись с центурионом, он бросил на него короткий взгляд: на лице Катона застыло мрачное выражение. Ощущение собственной вины отягощало сердце Семпрония. Долг обязывал их обоих оставить искалеченное дитя, но Катон явно воспринимал совершенную ими несправедливость острее. Молодой человек явно был наделен чуткой душой. Глубоко переживая, он не боялся показывать свои чувства. Погоняя коня вперед, Семпроний ощущал вместе с тем и нотку утешения: во всяком случае, дочь его выбрала в мужья достойного человека.

Ночь сгущалась над Критом, а они все ехали вперед по дороге в Гортину, пролежавшей по богатому сельскому краю. По обеим сторонам дороги уходили к далеким холмам масляные рощи, фруктовые сады и виноградники. Большая часть здешних земель была скуплена и собрана в поместья, принадлежавшие некоторым из самых богатых людей империи. И пока владельцы поместий наслаждались городской роскошью, в имениях распоряжались управляющие, которым подчинялись надсмотрщики, командовавшие отрядами рабов, трудившихся от утренней до вечерней зари. Короткая жизнь большинства рабов была полна жестокости, и смерть становилась для них избавлением. Теперь, впрочем, отметил Катон, ситуация изменилась. Землетрясение уничтожило каменные поместья, и обитавшие в деревянных лачугах рабы, конечно же, ухватились за возможность совершить побег или отомстить своим хозяевам.

Ночь выдалась ясной, и хотя тонкий месяц вместе с усыпанным звездами небом освещал дорогу, Семпроний перевел коней на шаг.

– Не стоит торопить коней, не то оступятся, – пояснил он. – К тому же пусть немного передохнут.

– И я тоже.

Катон изменил позу и потер поясницу. Ночной воздух дышал прохладой, и он усомнился в том, что поступил правильно, оставив свой плащ умирающему мальчику. Впрочем, центурион немедленно прогнал недостойную мысль и принялся вглядываться в окружающий ландшафт. Дорога шла на невысокий гребень, и как только они оказались на самом верху, Катон заметил справа от дороги, не более чем в четверти мили от себя, яркое пламя.

– Что же, о боги, там творится? – пробормотал Семпроний.

Оба всадника остановили коней, всматриваясь во взрывающиеся к небу рыжие языки. Возле руин, в которых превратились здания фермы, был разведен огромный костер. Вокруг

огня поставили четыре прочных столба с перекладинами наверху, на которых корчились опаляемые жаром трое обнаженных мужчин и женщина. Они извивались от боли, и их пронзительные, доносящиеся издалека вопли заставили похолодеть кровь в жилах Катона.

Позади высвеченных пламенем резких контуров четверых людей, медленно поджаривавшихся на крестах, Катон различил кольцо силуэтов компании, явно наслаждавшейся зрелищем. Некоторые из них держали в руках кувшины, из которых то и дело отпивали, другие плясали, а несколько бросали камни в распятых людей.

Катон нервно глотнул.

– Похоже, что рабы дорвались до мести.

Оба они некоторое время рассматривали мрачную сцену, и сенатор, наконец, прошептал:

– Ах, бедолаги.

– Боюсь, что нам придется увидеть еще не одну подобную трагедию, – проговорил Катон. – Зараза будет распространяться по всему острову, можно не сомневаться.

Тем временем из толпы выступил коренастый мужчина с молотом и направился к кресту, на котором была распята женщина. Он выбил клинья, удерживавшие крест на месте, и, привалившись к столбу, толкнул его в сторону огня. Крест наклонился, на секунду завис в воздухе вместе с отчаянно и тщетно забившейся в путах женщиной, а потом повалился в костер, подняв тучу искр... к ночному небу взметнулись языки пламени вместе с предсмертным воплем жертвы, полным муки и ужаса.

– С меня довольно, – объявил Катон. – Поехали-ка дальше, господин.

– Да... да, конечно.

Катон натянул поводья, поворачивая коня в сторону Гортины, и уже собрался ударить пятками в его бока, когда вдруг заметил появившуюся на дороге в десяти шагах от него темную фигуру.

– И куда это мы собрались посреди ночи? – с сильным акцентом проговорил на латыни бодрый мужской голос. – Двое полуночников на дороге... не к добру это.

Дружелюбная интонация заставила сенатора Семпрония облегченно вздохнуть, в то время как рука Катона привычным движением потянулась к мечу.

– Лучше убирайся отсюда подальше, – проговорил Семпроний. – Неподалеку отсюда гуляет банда рабов. Так что спасайся, пока можешь.

– Ого! – обратился куда-то назад мужчина, делая несколько шагов в сторону всадников. – Судя по твоему голосу, ты из этих, из лучших, самый настоящий римлянин и все такое.

– Я – римский чиновник, – признал Семпроний. – И мне нужно как можно скорее попасть в Гортину... поэтому отойди в сторону, добрый человек, чтобы мы могли продолжить путь.

Незнакомец оказался уже совсем недалеко от Катона, и молодой человек видел его достаточно ясно. Человек этот, одетый в рваную тунику, был высок и широкоплеч, грязные волосы на его голове и бороде были взлохмачены. В руке его оказалась длинная дубинка. Усмехнувшись, он поднял ее и положил на плечо.

– Вот что: теперь эта часть дороги принадлежит мне, и я решил брать пошлину с проезжих. – Тон его сделался жестким. – Начиная с вас обоих. А теперь живо слезайте с коней и ведите их ко мне. Вместе с конями отдадите и все, что есть при вас ценного.

– Что такое? – напрягся в седле Семпроний. – Как ты смеешь?

Пока человек говорил, Катон заметил движение по обе стороны дороги и различил несколько окружающих их фигур. Пальцы его сжали рукоятку меча, и он негромко проговорил:

– Господин, мы в беде. Достань свой меч.

– В беде? – Семпроний оглянулся и замер, увидев появившихся из теней людей, державших в руках дубины или вилы, и все они были такими же оборванцами, как и первый. Оба римлянина с легким лязгом обнажили мечи.

– Ну-ну, не стоит испытывать удачу, благородные господа, – ровным тоном проговорил мужчина. – Не нарывайтесь на лишние неприятности. Нас много больше, чем вас. Если начнете сопротивляться, клянусь, выпотрошу вас обоих. Поэтому, будьте любезны, бросайте свои мечи и слезайте с коней.

Сердце Катона заколотилось, по спине пробежал тот колющий холодок, что всегда посещал его перед сражением. Скрипнув зубами, он рыкнул:

– Ну, раз уж ты был настолько любезен с нами, ограничусь одним предупреждением. Убирайтесь с дороги... все... живо!

В наступившей тишине оба римлянина внимательно вглядывались в окружавших людей, а потом один из рабов крикнул:

– Хватай их, ребята!

Тени бросились к всадникам. Катон ударил сапогами коня.

– Скачи, господин!

Семпроний послал коня вперед, но оказался не столь проворным, как Катон, и прежде чем его лошадь успела сделать десять шагов, один из рабов схватил ее под уздцы, в то время как остальные бросились к ним.

– Катон! Помогите!

Повернувшись в седле, Катон увидел сенатора, отчаянно отмахивавшегося коротким мечом от обступивших его фигур.

– Дерзьмо! – прошипел Катон и, отчаянным движением потянув узду, развернул своего коня в обратную сторону.

Готовя на ходу меч, он послал животное в сторону обступившей Семпрония толпы. Конь, всхрапнув, ударил грудью человека, вцепившегося в узду, и Катон, описав мечом широкую дугу, заставил рабов расступиться. Сжав коленями бока коня, он объехал Семпрония и рубанул по рукам раба, еще державшего удила. Клинок обрушился вниз, прорезая плоть и перерубая кости; пронзительный вопль вырвался из груди нападавшего, в ужасе уставившегося на почти отрубленную руку. Катон склонился вперед и подхватил поводья, чтобы передать их сенатору.

– Держи!

– Римские суки! – слышался голос, и Катон оглянулся – как раз вовремя: рядом с ним один из рабов уже занес обеими руками вилы, чтобы ударить его.

Поставив меч рукоятью вверх, Катон встретил удар. Металл с резким звоном встретил металл, и Катон отбил зубья вил вниз, к земле. Однако спустя мгновение он ощутил бедром резкий удар, и ржание коня сообщило, что второй зуб вил вонзился ему в бок. Катон охнул, а потом, ударив мечом назад, глубоко вонзил острие в грудь нападавшего, в самую ямочку под шеей. Раб с коротким криком рухнул на землю, выронив из рук древко вил. Орудие его на мгновение затрепетало, терзая плоть коня и всадника, но Катон сбросил его мечом. Оглядевшись, он заметил, что двое уложенных им рабов поохладили боевой пыл нападавших.

– Скачи, господин! – крикнул он Семпронию.

На сей раз он дождался, когда конь сенатора вырвался из кольца, после чего шлепнул мечом плашмя по крупу своего коня и пустился галопом следом за Семпронием. За его спиной раздался глухой крик, еще одни вилы пролетели в опасной близости от ноги центуриона и нырнули вниз, в темноту. Катон пригнулся, сжав в кулаке рукоятку меча, чтобы невзначай не выронить его по пути до Гортины. За спиной его нападающие взвыли от ярости, кое-кто бросился вдогонку за всадниками, но, наконец, рабы сдались и принялись осыпать римлян ругательствами, постепенно стихавшими за спиной Катона, скакавшего за Семпронием вдоль дороги.

Глава 6

Макрон с усталым вздохом закончил чтение рапортов, которые потребовал от офицеров и чиновников когорты. Снаружи уже наступила ночь, и из окна покоев префекта было заметно неровное мерцание факелов на стенах акрополя. Он моргнул, потер глаза и протяжно, во весь рот зевнул, прежде чем возвратиться с прежним вниманием к работе. Стопа сложенных на его столе восковых дощечек описывала силу каждой центурии в когорте, имена лучших людей были подчеркнуты их центурионами. Убитые или пропавшие без вести были помечены крестами. Кроме того, на столе находился подробный рапорт обо всех имеющихся в когорте припасах, составленный квартирмейстером, и донесение единственного в когорте помощника хирурга. Сам хирург во время землетрясения находился в порту и так и не объявился с тех пор. Служившее лазаретом помещение казармы было полно раненых, и помощник хирурга требовал выделить ему помощников, для того, чтобы он смог справиться с таким потоком раненых.

В дополнение к своим прочим делам Макрон отправил в бухту отряд, поручив ему найти пассажиров и экипаж «Гора» и проводить их к акрополю. Здесь им надлежало предоставить кров, и Макрон намеревался предложить пригодным к службе пополнить собой ряды когорты до окончания чрезвычайного положения.

Приняв на себя командование когортой, он провел тщательный осмотр людей, выстроившихся по центуриям во дворе акрополя. Ситуация оказалась именно такой, какой описывал ее Портиллус: лишь половине его людей удалось пережить поразившее Маталу землетрясение. Среди уцелевших многие еще не оправились от потрясения, вызванного утратой товарищей и смертным ужасом перед богом, которому было угодно обрушить всю свою ярость на порт. Пока Макрон неторопливо шествовал вдоль рядов Двенадцатой Испанской, его опытный глаз подметил, что когорта ничем не отличается от прочих гарнизонов, расквартированных в наиболее благополучных провинциях империи. Она была укомплектована усталыми ветеранами, подорвавшими здоровье в походах и переведенными на Крит, где им приходилось исполнять необременительные полицейские функции. К ним добавлялась горстка скудоумных тощих юнцов, которым можно было доверить оружие, надеясь разве что на то, что они не причинят им вреда ни себе, ни окружающим.

Макрон покачал головой. В таком виде когорта не представляла собой особой пользы с точки зрения восстановления порядка и помощи мирному населению. В расчете на предстоящие дни он хотел бы располагать людьми более боеспособными и в большем количестве. Ну а пока следует сделать все возможное, полагаясь на наличные ресурсы. А их, ресурсов, имелось не слишком много, со вздохом признавался он себе. Согласно описям квартирмейстера выходило, что за последние годы резервы когорты весьма оскудели. Губернаторы, один за другим, изо всех сил старались сэкономить на управлении провинцией, чтобы добиться благоволения императора и римского сената. Изношенное военное снаряжение не заменялось, и солдатам приходилось покупать недостающее на местном рынке. Посему они пользовались странной смесью римского доспеха и старинных галльских и греческих шлемов и мечей. Пращей оказалось очень немного, и еще меньше свинцовых пулек к ним; съестное и вода также были запасены в весьма умеренном количестве. Две из имеющихся на акрополе цистерн оказались совершенно сухими, третья была заполнена всего лишь наполовину, причем едва пригодной для питья водой, что Макрон обнаружил лично, в сопровождении квартирмейстера спустившись в вырубленные в живой скале прохладные недра цистерны.

– Мерзость какая! – Выплюнув застоялую воду, ветеран насухо вытер губы тыльной стороной ладони, прежде чем выбраться наверх. – И когда же эту цистерну в последний раз вычерпывали и чистили?

Квартирмейстер пожал плечами:

– Не знаю, господин. Наверное, еще до меня.

– А давно ты здесь служишь?

– Семь лет, господин.

– Семь лет, – ровным голосом повторил Макрон. – И ты предпочел не обращать на воду никакого внимания?

– Никак нет, господин, – возмутился квартирмейстер, человек тощий, морщинистый и смуглый, шрамы на теле которого говорили Макрону о его участии в военных действиях. – Это сам префект не велел мне заниматься ими. Сказал, что раз мы-де находимся на гарнизонной службе и в провинции стоит мир, нет смысла готовиться к осаде.

– Понятно. Теперь все изменилось. Я хочу, чтобы с первым светом ты спустился сюда вместе с подчиненными. Цистерну следует осушить, тщательно вычистить, починить и приготовить к первому же дождю.

– Да, господин.

Макрон посмотрел на квартирмейстера.

– Слушай... как там тебя зовут?

– Корвин, господин. Люций Юнил Корвин.

– Так вот, Корвин, ворон то есть... – ухмыльнулся Макрон, – тебе идет это имя. Значит, так: город полон людей, нуждающихся в нашей помощи. И мы намереваемся помочь уцелевшим. Нам нужно откопать засыпанных в развалинах; всех – здоровых и раненых – накормить и напоить, позаботиться о том, чтобы у них была крыша над головой. И вообще потрудиться, чтобы здесь восстановился порядок. Если съестные припасы подойдут к концу, тогда наша задача по поддержанию мира станет весьма сложной. И на сей случай мне нужно, чтобы Двенадцатая Испанская до последнего человека была должным образом экипирована и готова к боевым действиям. А это означает, что я хочу, чтобы ты достал палец из задницы и обеспечил наших людей всем необходимым. Понятно?

– Да, господин. Я сделаю все, что могу.

Макрон покачал головой.

– Что могу – нам не подойдет. Ты сделаешь все, что я потребую от тебя. Если ты не сумеешь справиться, тогда я разжалую тебя в рядовые и подберу такого человека, который справится с делом.

– Н-но, господин, у тебя нет права на это, – запротестовал Корвин. – Я буду жаловаться префекту. Ты не вправе разжаловать меня.

– Можешь жаловаться сколько угодно. Префект мертв.

– Мертв?

– Погиб в Гортине во время землетрясения... вместе с большинством старших в ранге сановников провинции. Поэтому сенатор Семпроний взял здесь власть в свои руки. Поэтому я поставлен во главе когорты. И поэтому ты начнешь честно отрабатывать свое жалованье впервые за последние несколько лет.

Макрон умолк и дружелюбно толкнул собеседника в грудь.

– Все теперь зависит от нас обоих, Корвин. Только мы с тобой можем избавить население этого города от голода и хаоса. А теперь я спрошу тебя один только раз: справишься ли ты со своим делом?

Корвин глубоко вздохнул и кивнул.

– Молодец! А теперь мне нужна полная опись снаряжения когорты к концу первой ночной стражи, так что начинай без промедления.

– Да, господин.

Отсалютовав, Корвин направился прочь, торопясь по двору к арсеналу и складам. Проводив его быстрым взглядом, Макрон вздохнул. Оставалось только надеяться, что нынешнее назначение останется самым недолгим в его послужном списке. Придется поставить когорту

на ноги и справиться с кризисом в Матале до прибытия нового префекта. А потом с Катонем и всеми остальными он продолжит свое путешествие в Рим. И чем скорее, тем лучше, решил Макрон на пути в резиденцию префекта.

Закончив чтение навощенных табличек, ветеран послал за Портиллусом. Ожидая его, он налил себе вина из одного из небольших кувшинов, которые префект хранил на небольшом стеллаже в углу комнаты. Провалившиеся внутрь черепицы разбили кувшины, остававшиеся на верхней полке, но стоявшие внизу уцелели. Вытащив затычку, Макрон принялся. Тонкий аромат коснулся его ноздрей, и центурион улыбнулся. Покойный префект явно умел потешить свою душу. Прищурясь, Макрон заглянул внутрь кувшина.

– И наполовину полон. – Он еще раз улыбнулся, отнес кувшин и серебряную чарку к себе на стол и наполнил последнюю почти до края. – Катастрофа оказалась не всеобъемлющей.

В дверь постучали. Не дожидаясь ответа, Портиллус открыл ее и вошел в палату. По лицу его пробежала мимолетная недовольная гримаса, когда он увидел вино на столе перед центурионом и перевел взгляд на кувшины в углу комнаты. Макрон немедленно понял, что Портиллус сам рассчитывал на этот напиток – теперь, когда бывший его обладатель в подобных земных развлечениях уже не нуждался.

– Хм-хм, ты посылал за мной, господин.

– Да. Закрой дверь.

Как только дверь оказалась закрытой, а Портиллус остановился перед его столом, Макрон кашлянул и начал:

– Когорта находится в неважном состоянии, центурион, и тебе, конечно же, это известно. Дисциплина хромает, личный состав никудышный, а офицеры – еще хуже. Однако, – продолжил он, – такое положение надо менять. А поскольку ты второй по чину после меня, будешь помогать мне исправлять ситуацию. Ясно?

Портиллус кивнул с явным сомнением на лице.

– Не слышу ответа, центурион.

– Да, господин, конечно.

– Хорошо. – Макрон постучал по восковым табличкам. – Мне нужны восемь десятков лучших людей когорты для организации боевой центурии. Им пойдет лучшее вооружение, командовать ими будет лучший офицер. Кого рекомендуешь?

Портиллус в раздумье надул губы, прежде чем ответить.

– Центуриона Милона, господин. Его прислали из легионов всего год назад.

– Значит, еще не успел размякнуть. Отлично, пусть будет Милон. Пусть выберет себе знаменосца, оптиона и писаря, кого захочет.

– Да, господин.

– Что касается всех остальных... пусть с рассветом выходят работать в город. Панцири и все прочее можно оставить в казарме, но мечи пусть возьмут с собой и разделятся на две группы. Половину из них придется занять извлечением людей из развалин и переноской раненых к месту лечения. Остальные пусть прочесывают руины в поисках еды и вина. Несколько человек можно отрядить возить воду в цистерны из ближайших ручьев.

– Но чтобы наполнить цистерны, потребуется целая вечность, господин.

– Ну что ж, торопиться нам некуда, так ведь, Портиллус?

– Так, господин.

– Отлично, такими и будут приказы на завтра. Прикажи людям воздержаться от грабежей, это важно. Если они встретят шайки грабителей из горожан, пусть разгоняют их. Если потребуется, пусть разбивают им лбы, но мечи в ход не пускают. Здешние люди уже достаточно пострадали. И еще, последнее. По словам Корвина, у нас есть в запасе палатки. Конечно, они старые и ими не пользовались много лет, но для ночлега горожанам сгодятся. Пусть их разобьют на обращенном к акрополю склоне за городом.

Портиллус кивнул и, пожевав губами, спросил:

– Господин?

– Что?

– Мне вот что пришло в голову. Большая часть еды в Матале хранилась на складах. Возле главного рынка.

– И что с того?

– Волна разрушила весь этот район и утащила за собой все, что могла. Оставшаяся провизия наверняка испорчена. Другой пищи, кроме той, что находилась в домах во время землетрясения, мы не найдем. Но ее будет очень мало, господин.

– Гмм, разумное соображение. – Макрон откинулся назад и почесал щеку. – Что ж... все равно придется собрать все, что возможно спасти, а потом заняться поисками других источников пропитания. Есть ли неподалеку от порта какие-нибудь поместья?

Портиллус на мгновение задумался.

– Ближайшее находится чуть дальше по побережью, принадлежит сенатору Канлию. Там производят оливковое масло и зерно.

– Для начала неплохо. Я пошлю туда людей с фургонами. Пусть возьмут там всё, что нам нужно, и пусть хозяин поместья выставляет нам счет, когда известие придет к нему в Рим.

– Сенатору Канлию это не понравится, господин.

– Нетрудно догадаться, – фыркнул Макрон. – Но к этому времени проблема будет уже не моей, а потому плевать. Нам нужен надежный запас продовольствия, чтобы наши люди и горожане не голодали, пока мы устанавливаем здесь порядок.

– Будем надеяться, что нам это удастся, господин.

– Еще как удастся, – улыбнулся Макрон. – Я не допущу ничего другого. Ну, на этом пока все, Портиллус. Я прикажу писарям написать задания для каждого подразделения. Приготовив все нужное, они присоединятся к тебе и остальным офицерам. Словом, я хочу, чтобы с восходом солнца Двенадцатая Испанская приступила к службе.

В дверь снова постучали.

– Войдите!

Дверь отворилась, на пороге появился солдат вспомогательной когорты и отсалютовал:

– Из бухты возвращается патруль, господин.

– Экипаж и пассажиры идут с ним?

– Да, господин.

– Хорошо. Как только они войдут в ворота, пусть мужчин проводят в казарму, распредели их как-нибудь. А как только они окажутся там, скажешь им, что они призваны на военную службу в когорту и должны подчиняться армейской дисциплине. И растолкуй им подходчивей, что это значит, ладно?

Солдат ухмыльнулся:

– Да, господин.

– Женщин и детей пусть проводят в базилику. Они могут разместиться в административном зале. А потом спроси дочь сенатора, не соблаговолит ли она присоединиться ко мне.

– Да, господин.

Солдат отдал честь и вышел из комнаты.

Центурион Портиллус приподнял бровь:

– Дочь Семпрония? Посреди общего сброда? Сомневаюсь в том, что дочери человека, носящего тогу с пурпурной полосой, понравится подобный ночлег.

Макрон припомнил то отчаянное время, когда он познакомился с Юлией во время осады пальмирской крепости. Она рисковала собой наравне с прочими защитниками цитадели и не требовала ничего свыше положенного всем скудного рациона, целиком посвятив себя уходу за

ранеными и умирающими. Юлия не принадлежала к числу изнеженных аристократок и доказала свое достоинство.

– Она справится, – ответил Макрон. – Она не из слабых. Юлия Семпрония крепко стоит на ногах. И потом, у нее нет выбора.

Портиллус поджал губы:

– Лучше скажи это ей, чем мне, господин... Что ж, мне пора идти. Служба и все такое.

– Да, приступай к делам, – ворчливо напутствовал его Макрон. – И не забывай того, что я сказал. Отныне в когорте не место никакой расхлябанности, и это относится ко всем: и к офицерам, и к рядовым.

– Понимаю, господин.

Портиллус склонил голову и поспешил вон из комнаты. На мгновение Макрон остался в одиночестве. Ласково посмотрев на чарку с вином, он с жадностью поднес ее к губам и осушил.

– Отменный напиток!

Центурион стер струйку вина с подбородка и с удовлетворенной улыбкой откинулся назад в кресле. Тело его ныло после тяжких трудов вчерашнего дня, глаза саднило. На мгновение он закрыл их, наслаждаясь утешительным отдыхом и коротким покоем. Вино еще освежало гортань и уже согревало желудок... Он сложил руки на животе.

– Отдохну-ка немного, – сказал он себе самому сквозь подступающую дремоту. – Одно мгновение...

– Не помешаю?

– Ч-ч-что? – Макрон выпрямился в кресле и протер глаза. На пороге его покоев стояла улыбающаяся Юлия.

– Я про то, что ты слишком громко храпел...

– Храпел? – Макрон виновато покрутил головой. – Вот дерьмо. Я просто разговаривал сам с собой.

– С закрытыми глазами.

Макрон нахмурился.

– Я умею делать два дела одновременно, как тебе известно, молодая госпожа.

– Прости, Макрон, не хотела задеть тебя. После всех недавних испытаний ты, наверное, на ногах не стоишь. Как и все мы.

– И куда девались эти мои поганые манеры? – буркнул Макрон себе под нос, вскакивая на ноги и пододвигая к столу второе кресло. Похлопал по сиденью. – Ну вот, молодая госпожа Юлия. Садись.

– Спасибо. – Она глубоко вздохнула. – Итак, где мой отец и Катон?

– Ускакали, госпожа.

– Ускакали? Куда?

– В Гортину. Сразу, как только мы узнали, что правитель провинции, его приближенные и старшие офицеры погибли во время землетрясения... были убиты на месте. Твой отец сказал, что должен взять правление в свои руки. Они с Катоном взяли двух лошадей из конюшни и уехали, не теряя ни мгновения.

– Обычная картина, – с легкой горечью произнесла Юлия. – И никакой весточки мне не оставили, так?

– Э... весточки как таковой, собственно, не было.

– А что Катон?

– Ну, он, конечно, велел передать, что любит тебя, и велел, чтобы я позаботился о тебе до его возвращения.

Глянув на центуриона, Юлия покачала головой.

– Ты совсем не умеешь лгать, Макрон. Лучше оставь это занятие таким людям, как мой отец, знающим его в совершенстве.

– Ну, если ты так говоришь...

Юлия огляделась вокруг, посмотрела в окно – на склон, противоположный акрополю. Там уже горели несколько костров, к жару которых жались крохотные фигурки.

– Поверить не могу в то, что все, что мы видели по пути сюда, существует на самом деле, – негромко проговорила она. – Я думала, что это нам досталось на корабле. Но тут...

– Нам действительно досталось на корабле, молодая госпожа. И нам повезло уже в том, что мы добрались сюда. Но ты права, на порт обрушилось худшее бедствие. Портиллус рассказывал мне, что они слышали оглушительный рев и грохот, а потом начали дрожать и рушиться дома, начиная с самых старых и ветхих. А в таких, естественно, селилась самая здешняя беднота. Тысячи людей оказались погребенными под руинами. А потом тряска прекратилась так же внезапно, как и началась. Оставшиеся в живых бедняги уже было решили, что все закончилось. – Макрон поежился. – Но тут на порт обрушилась волна, прокатилась вверх по ложбине, все разрушая и всех убивая на своем пути. Портиллус сказал, что она унесла столько же жизней, сколько взяло землетрясение.

Какое-то мгновение Юлия просто смотрела на него, а затем затрясла головой и пробормотала:

– Великие боги... что же эти люди могли натворить здесь, чтобы заслужить подобную кару?

– Кому ведома воля богов? – Макрон зевнул. – Но чем бы ни заслужили люди Крита подобное наказание, за свой грех они дорого заплатили.

Юлия поглядела в окно, все еще пытаясь охватить умом все разрушения, которые видели пассажиры корабля, поднимаясь наверх. Трудно было даже представить себе, сколько городов и селений разделили участь Маталы. Наконец она с тревогой спросила:

– Как, по-твоему, все закончилось? Может ли повториться землетрясение?

– Не имею представления, молодая госпожа. Я – всего лишь солдат, а не прорицатель. – Макрон склонился вперед и попытался придать своему голосу самую убедительную интонацию. – С той поры как мы высадились на берег, земля больше не тряслась. Остается только молиться богам, чтобы те избавили нас от новых страданий.

– Да, это так. Если только молитвы действительно помогают.

– Ну, во всяком случае, они не вредят.

– Не спорю. – Юлия на мгновение притихла, а потом снова посмотрела на Макрона. – Как ты думаешь, им ничто не грозит в этой тьме? Моему отцу и Катону?

– Не вижу причин для беспокойства. Они вооружены мечами, а здешние жители, должно быть, слишком углублены в собственные дела, чтобы чинить им препоны. С ними все будет в порядке, молодая госпожа. Катон – парень крепкий. Он приглядит за тем, чтобы твой отец благополучно добрался до Гортины и они могли бы заняться нужными делами. Поверь мне, Катон знает, что делает. С ними все будет в порядке.

Глава 7

– Какого же рожна мы там делали? – сквозь стиснутые зубы ворчал Катон, пока сенатор перевязывал его рану своим шейным платком. – Вообще нам следовало дожждаться света, прежде чем выезжать.

– Тихо! – Семпроний бросил нервный взгляд на соседние деревья. – Они могли увязаться за нами.

– Сомневаюсь. Мы отъехали почти на две мили, прежде чем не выдержал конь.

Катон умолк, так как его ногу пронзила жгучая боль. Когда она утихла, центурион глубоко вздохнул и продолжил:

– Не сомневаюсь в том, что они отказались от погони задолго до этого.

– Будем надеяться на это. – Семпроний завязал узел и проверил, не соскользнет ли импровизированная повязка. – Вот. Так будет нормально. Я виноват, Катон. Мне следовало замедлить шаг, как только мы оторвались от преследователей. Было просто безумием нестись галопом по такой дороге во тьме. Просто чудо, что твоя лошадь не пала раньше и что уцелела моя.

– Однако теперь на двоих у нас один конь, – мрачно усмехнулся Катон. – Так что ни о каком галопе речи больше быть не может.

Раненого коня Катона они оставили на дороге – на том месте, где животное упало с кровавой пеной на губах и ноздрях. Семпроний подсадил Катона на круп своего коня, и еще милю они проехали вдвоем; наконец дорога превратилась в узкую тропу посреди сосновой рощи, и они остановились, чтобы перевязать рану Катона. Зубец пронзил мышцу на задней поверхности ноги, не задев кость и не разорвав крупных кровеносных сосудов. Рана обильно кровоточила, однако, невзирая на боль, Катон обнаружил, что все-таки может ступить на ногу. Он прошел несколько шагов и присел, позволив Семпронию осмотреть и перевязать рану – насколько это было возможно в скудном свете молодого месяца и звезд.

Семпроний отодвинулся назад и сел на землю, скрестив на животе руки.

– И что, по-твоему, нам теперь остается делать?

– Не стоит рисковать, мы не можем позволить себе встречи с еще одной шайкой взбунтовавшихся рабов... Лучше дожждаться первого света, когда мы сможем видеть перед собой дорогу и избегать неприятностей.

– Да, ты прав. – Семпроний повернул голову, бросив взгляд в направлении дороги. – Но ты уверен в том, что это были рабы?

– Скорее всего. Все они были в лохмотьях, и, кроме того, подкараулили нас возле поместья, где мы видели... – Воспоминание было слишком мучительным, и Катон шумно откашлялся. – Должно быть, вышли на дорогу в поисках легкой поживы. Нам повезло... Мы сумели удрать. Но если бунтующие рабы и зрелище, которое мы видели по пути, успели стать этой ночью обыденностью на этом острове, тогда мы оказываемся перед перспективой куда более страшной, чем я предполагал.

– С чего бы?

– Что, если нам предстоит столкнуться с восстанием рабов?

– Восстанием? Едва ли. Скорее всего, это какие-то временные волнения. Вполне естественно, что, воспользовавшись ситуацией, рабы обращают свой гнев на надсмотрщиков. Но как только эти ничтожества напьются до бесчувствия и очнутся в похмелье, готов держать пари, что никакого представления о том, что делать дальше, у них не будет. Некоторые попробуют убежать в горы и присоединиться к разбойникам, но остальные будут слоняться вокруг поместья, пока кто-нибудь не явится и не приберет их к рукам.

– Ты так думаешь? – с сомнением проговорил Катон. – По-моему, ты недооцениваешь опасность, господин.

– Это всего только рабы, мой мальчик. Цепные... низжайшие из низших, немногим лучшие зверей. Поверь мне, они не привыкли принимать самостоятельные решения. Без надсмотрщика, без способного возглавить их человека они не поймут, что надо делать в такой ситуации.

– Надеюсь, что ты прав... Однако что делать, если среди них обнаружится вожак? Что тогда?

– Этого не случится. Я достаточно перевидал поместий на своем веку и прекрасно знаю, как они устроены. Всякого, в ком есть хотя бы унция духа или независимости, либо продают в школу гладиаторов, либо ломают наказаниями в качестве назидания всем остальным. Рабов мы усмирим достаточно быстро. Как только выявят и поймают главарей, ответственных за ту жуткую картину, свидетелями которой мы были, их распнут, а тела оставят гнить на потеху воронам. На мой взгляд, подобная мера станет достаточным назиданием, которого рабы долго не забудут.

Катон кивнул. И все же на душе его было беспокойно. Кто знает, сколько рабов находится на острове. Если они сумеют объединиться и найти вожака, тогда их армия может представить серьезную угрозу римским интересам на Крите. Впрочем, опасаться следовало не только рабов. В горах всегда водились разбойники, преступники, беглые и отверженные, всегда готовые воспользоваться хаосом. Если рабы и разбойники объединят свои силы, ничто, кроме регулярной армии, не сможет сохранить остров в составе империи.

Катон переменил позу и привалился к стволу упавшего дерева.

– На мой взгляд, нам нужно отдохнуть, господин. Мы с тобой не спали почти два дня. Беру на себя первую стражу. Я разбужу тебя, когда настанет твоя очередь.

– Честное решение, но не забудь разбудить меня. Я не могу позволить, чтобы тобой овладела усталость, когда мне нужна будет твоя помощь в Гортине.

– Я разбужу тебя, господин. Честное слово.

– Ну, хорошо.

Семпроний окинул взором окрестности и выбрал местечко возле соседнего дерева, под которым насыпалась мягкая горка сосновых иголок. Закутавшись в плащ, он опустился на землю, положив голову на корень. Совсем скоро дыхание его сделалось ровным и глубоким; наконец, он начал похрапывать.

Откинув голову назад, Катон посмотрел в небо. Ночь выдалась светлой, звезды и луна блистали на темном бархатном пологие. Зрелище это помогло ему на мгновение успокоить взбудораженный ум, и он подумал, как было бы хорошо, если бы Юлия сейчас была с ним, устроившаяся возле плеча так, чтобы волосы ее касались его подбородка. В памяти его словно повеяло ее любимыми духами, и центурион улыбнулся. Затем внимание его привлек вдруг вспыхнувший вдалеке огонь, и, опустив взор от небес, Катон попытался взглянуть в царящую на земле темную ночь. Пламя разбушевалось над равниной в нескольких милях от обоих римлян, и на его глазах языки огня скоро поглотили все здание. Он долго смотрел на этот огонь, ощущая, как крепнет в груди ощущение мрачного предчувствия.

Принявший от него стражу сенатор Семпроний разбудил Катона перед самым рассветом. Шевельнувшись, центурион обнаружил, что укрыт плащом сенатора. Кивнув в сторону плаща, он пробормотал слова благодарности.

– Он был нужен тебе больше, чем мне, – улыбнулся Семпроний. – Мне нетрудно походить взад и вперед, чтобы согреться. И кстати, это напомнило мне молодые годы, когда я служил на Рейне младшим трибуном¹⁸ в Девятом легионе. Никаких удобств там предусмотрено не было, скажу я тебе. Впрочем, забыл, ты, кажется, служил на той же границе, не так ли?

¹⁸ Трибун – командная должность в римском легионе. В эпоху Республики в каждом римском легионе было несколько

– Да, господин. И отслужив там одну зиму, человек уже не надеялся пережить вторую. Холодно, как в Аиде.

– Что ж, помню. – Семпроний зябко поежился, а затем подал Катону руку. – Вставай, пора ехать.

Поднявшись, Катон невольно застонал. Раненая нога одеревенела и немедленно начала пульсировать, когда он перенес на нее вес своего тела.

Семпроний озабоченно посмотрел на него:

– Как нога? Плохо?

– Бывало и хуже. Когда рану омоют, после нескольких дней отдыха буду в полном порядке.

– Боюсь, что возможности отдохнуть нам никто не предоставит.

Поднявшись в седло, сенатор склонился, подавая руку Катону. Конь переступил на месте, принимая дополнительный вес. Когда Катон обхватил его руками, Семпроний прищелкнул языком, направляя коня по тропке в сторону дороги. Выехав из сосняка, центурион посмотрел в сторону огня, который видел ночью, но там никого не было... стояли только обгорелые остатки стен. Черными пятнами среди окружающего ландшафта виднелись другие обгорелые строения, далекая вереница людей пробиралась по полю. Были то рабы или свободные люди, Катон сказать на таком расстоянии не мог. Впереди обоих римлян на дороге никого не было, и Семпроний направил коня к Гортине ровной рысью.

После того как поднявшееся солнце пролило на земли провинции свой ласковый свет, они заметили еще несколько отрядов людей. Возле дороги им иногда встречались уцелевшие горожане, копошившиеся в руинах своих домов, разыскивая ценности. Некоторые из них сидели среди развалин и безучастно смотрели на путников, в то время как другие протягивали руки и просили поесть. Семпроний упорно не обращал на них никакого внимания; не отводя глаз от дороги, он лишь подгонял пятками коня, заставляя животное поторопиться. То и дело им попадались тела с ножевыми и рублеными ранами, дополнявшие число жертв землетрясения. По мере того как двигалось время к полудню, Катон, оказавшись перед лицом столь масштабных разрушений и смертей, начинал все больше и больше сомневаться в том, что они с сенатором смогут каким-либо образом способствовать тому, чтобы в провинции восстановился порядок. Перспектива уже казалась ему совершенно безнадежной.

Наконец, уже перед полуднем, дорога обогнула холм, и оба путника увидели столицу провинции – город Гортину. Город раскинулся на равнине, северную часть которой занимал расположенный на укрепленном холме акрополь. В городских стенах зияли бреши, они обваливались целыми пряслами¹⁹ между башен. Возле главных ворот, там, где дорога входила в город, как и положено, стояла стража. С дороги было видно, что почти все крыши были в той или иной мере разрушены или повреждены; черными дырами зияли даже красные черепичные кровли устоявших крупнейших общественных зданий и храмов. К городской стене с одной стороны от ворот жалось скопище палаток и сооруженных на скорую руку навесов, над которыми в синее небо уходили дымки кухонных очагов.

Притенив рукой глаза, Семпроний окинул взглядом теперь уже совсем близкий город:

– Похоже, что разрушений здесь меньше, чем в Матале.

– Это понятно. Здесь людям не пришлось иметь дело еще и с волной. Впрочем, не сказал бы, что это такое уж великое благодеяние.

(обычно шесть) трибунов, которые должны были командовать легионом по очереди. Как правило, военные трибуны происходили из знатных семей.

¹⁹ Прясло – элемент сруба или башни, а также в церковной архитектуре вертикальный фрагмент фасада храма.

Когда двое людей на одном коне подъехали по мощеной дороге к воротам, выставленные возле них стражники зашевелились. Едва конь оказался не больше чем в футах²⁰ пятидесяти от ворот, предводитель стражи поднял руку и крикнул:

– Довольно! Оставайтесь на месте! Что вам понадобилось здесь?

Семпроний поднял руку с кольцом.

– Я, римский сенатор Луций Семпроний, хочу видеть правителя провинции.

Переступив на месте, стражник указал на Катона:

– А это кто?

– Центурион Катон. Мы плыли вдоль критского берега к Риму, когда корабль наш поразила гигантская волна.

– Волна? – Стражник не без опаски подошел к чуть приблизившемуся к воротам Семпронию. – Мы слышали, что на берег обрушилась жуткая волна, господин, но рассказывают нечто невероятное... что она уничтожила пристани и прибрежные селения.

– Это правда, – подтвердил Семпроний. – Мы высадились в Матале... точнее, у ее развалин. Там мы узнали, что правитель тяжело ранен. Я приехал, чтобы прояснить ситуацию.

– Дела плохи, господин. В гарнизоне не осталось ни одного живого офицера; почти все они собрались во дворце правителя, когда началось землетрясение. Лишь горстке гостей удалось спастись из пиршественного зала, а остальных раздавила крыша.

– А где сам правитель?

– Он находится в дворцовой конюшне, господин. Она почти не пострадала, и ею пользуются как госпиталем. То есть туда мы сносим раненых.

После недолгой паузы Семпроний спросил:

– В каком он состоянии?

Стражник прикусил губу:

– Приказано говорить, что он выздоровеет.

– Но?..

Часовой огляделся и понизил голос:

– Как говорит мой начальник во дворце... Если тебе нужно повидать правителя, господин, поторопись.

– Хорошо, пропусти же нас.

Стражник кивнул и обратился к своим подчиненным:

– Откройте ворота!

С громким стоном правая створка ворот под руками навалившихся на нее стражников стронулась с места и поползла. Стон превратился в оглушительный скрежет и, наконец, в пронзительный визг, после чего створка остановилась, не желая двигаться далее. В приоткрывшуюся щель едва проходил всадник верхом на коне, и стражник почтительно извинился:

– Прости, господин, но кладка поколебалась, и дальше ворота не открываются.

Семпроний кивнул в знак благодарности и направил коня в щель. Внутри города перед обоими римлянами предстала уже привычная картина разрушений: мостовая главной улицы была засыпана битым камнем. Среди руин и полуразрушенных зданий копошились люди; их было заметно больше, чем в Матале, и впервые за последние дни Катон ощутил некую толику надежды. Итак, думал центурион, некоторые поселения понесли заметно меньший ущерб, чем он предполагал; получается, что Матала приготовила его к худшему. Конь нес обоих римлян вперед, к центру города, мимо рыночной площади, мимо обвалившихся лавок, их погубленного товара, в котором копались уцелевшие горожане. Когда они оказались в центре города, вдоль улицы с обеих ее сторон выстроились крупные общественные здания, и на месте рухнувших сооружений Катон видел поваленные колонны, похожие на стволы огромных деревьев

²⁰ Римский фут = 29,62 см.

или рассыпавшиеся на мостовой на отдельные барабаны, и лестницы, прежде поднимавшиеся к дверям храмов, а ныне заканчивавшиеся грудями битого камня.

Дворец правителя располагался в самом центре Гортины, на пересечении двух главных улиц. В высокой внешней стене была устроена впечатляющая привратническая с двумя арками, за которой располагался просторный мощный двор. Сам дворец, внушительное и впечатляющее сооружение из белого камня, казалось, только что подвергся обстрелу метательных осадных машин. В стенах зияли проломы, и лишь несколько крытых черепицей участков намекали на прежние очертания кровли.

Семпроний затаил дыхание.

– Удивительно то, что в нем вообще можно было выжить.

– Да, – согласился Катон. – А вон там как будто бы находятся конюшни.

Он указал на высокие стены двора, прижавшегося сбоку к главному зданию. Возле входа в него собралась небольшая толпа стоявших или сидевших на корточках людей; некоторые из них держали детей на руках или поддерживали ожидавших приема родных, едва способных стоять на ногах. Больными занимались два армейских врача в черных туниках, принимавшие в первую очередь самых тяжелых. Было ясно, что толпа находилась в угрюмом настроении, и, уже приблизившись к конюшне, Катон услышал сердитый ропот.

– Расступись! – крикнул Семпроний. – Дорогу мне, я сказал!

Люди нехотя разошлись перед конем, и недовольство тех, кто оказался рядом с обоими римлянами, приобрело еще более выраженный облик.

– Молодой-то, вишь, ранен, – буркнул какой-то старик, – смотри-ка, в ногу угодило.

– Сукин сын, лезет поперед очереди, – раздался еще один голос, и по толпе немедленно пробежал раздраженный ропот, а остававшиеся перед Семпронием все еще отказывались расступиться.

– Дождитесь своей очереди, как ждут все остальные!

Семпроний повел раздраженным оком в сторону кричавшего:

– Я – римский сенатор, недоумок! Делай, как тебе сказано, и отойди в сторону.

– Хрен тебе!

– Богатым один закон, бедным – другой! – выкрикнул еще один мужчина.

– Как и положено! – рявкнул Семпроний. – Как и должно быть. А теперь разойдитесь с моего пути, иначе я сам расчищу себе дорогу!

Чтобы подчеркнуть серьезность своих намерений, он извлек меч, на тот случай, если кто-то в толпе рискнет воспротивиться ему. Люди жгли его яростными взорами, но когда Семпроний ударил пятками в бока коня, толпа расступилась перед ним.

Проехав под аркой, он направился в глубь двора. Из толпы кто-то из мужчин погрозил ему кулаком и выкрикнул:

– Проклятые аристократы! Народ мрет как мухи, а они всё о себе!

Послышались новые недовольные и полные горечи голоса, однако Семпроний с выражением высшего высокомерия на лице подвел коня к коновязи и выскользнул из седла, чтобы привязать животное. После него спешил и Катон, скривившийся, когда острая боль пронзила ногу. Прижав руку к бедру, он огляделся и заметил человека в темной тунике с красной оторочкой на рукавах, вышедшего из одного из стойл.

Мужчина указал на ногу Катона:

– Надо бы взглянуть, что там у тебя такое. – Приближаясь к новоприбывшим, он грязной тряпкой стирал кровь с рук. – Римляне?

Катон кивнул.

Хирург указал на перевязанное бедро центуриона:

– Как это случилось?

– Мы наткнулись на беглых рабов. Один из них ударил меня вилами.

– Нехорошо. Давай я посмотрю твою рану.

– Потом. Нам надо поговорить с правителем, – Катон показал на Семпрония, – у нас к нему срочное дело.

– Как и у всех вокруг, – хирург безрадостно усмехнулся. – Увы, он, бедняга, не способен сейчас говорить с кем бы то ни было.

– Как это ни плохо, – проговорил Семпроний. – Я настаиваю на том, чтобы он принял нас. Немедленно...

Хирург покачал головой.

– Я не могу разрешить тебе волновать моего пациента. Лучше отыщи Марка Глабия, если тебе нужно знать, что происходит.

– Кого?

– Теперь здесь командует Глабий. Вчера он уговорил правителя назначить его своим пре-емником...

– А какую должность занимал прежде этот Глабий? – поинтересовался Катон. – Гражданского администратора? Или военного?

– Ни ту ни другую. Он был одним из сборщиков налогов в провинции.

– Сборщик налогов? – Семпроний не мог скрыть своего недоверия. – Да с какой вообще стати Гирций вручил власть какому-то сборщику налогов? Неужели среди его приближенных не нашлось человека более высокого ранга?

– Нет, все они были на пиру, когда это произошло. Глабий опоздал к началу пира по неведомой мне причине. Иначе... – хирург провел по волосам усталой рукой. – В любом случае, оба они – близкие друзья и деловые партнеры. Объяснять, надеюсь, не надо?

Катон мог без труда назвать условия сделки. Правитель Гирций продал Глабию сбор налогов в провинции за сногшибательную цену. В качестве условия оба они заключили тайное соглашение, согласно которому Гирций получал процент от налогов, выжатых с островитян и купцов, плативших налог с товаров, покидающих Крит или прибывающих на остров. Общепринятая в империи комбинация, являвшаяся одним из средств, позволявших правителям провинции скапливать огромные состояния за время своего пребывания у власти. Схема эта законом не приветствовалась, но, поскольку правителям провинций приходилось отчитываться перед собственными собратьями, многие из которых также стремились получить подобное назначение, шансов на обвинительное заключение было немного. Считалось, однако, что правитель не должен извлекать из провинции слишком много дохода, чтобы не привлечь к себе слишком пристального и опасного внимания императора. Не столь уж редко случалось, что император расправлялся с богатым римлянином, чтобы конфисковать его состояние.

– Вот что, води нас к правителю, – твердым тоном сказал Семпроний. – Немедленно.

– Если тебе угодно, – хирург склонил голову. – Сюда, господин.

Семпроний предложил руку Катону, и вместе они последовали за хирургом вдоль линии стойл, пока не добрались до большого складского помещения в конце конюшни. Все лишнее из него вынесли и возле дальней стены поставили кровать. На тюфяке лежал человек. Лежал неподвижно, если не считать то опадавшей, то снова вздымавшейся груди. Дыхание с трудом давалось ему. Они пересекли помещение, и Семпроний, заметив простую скамью возле одной из стен, обратился к хирургу:

– Помоги мне перенести ее.

Когда они поставили скамейку возле кровати, правитель Гирций повернул к ним голову. Свет небольшого окошка над головой позволил Катону заметить, что одна сторона головы лежащего полностью закрыта бинтами. Легкое покрывало прятало под собой тело и ноги раненого. Как только Семпроний и Катон уселись на скамью, хирург подошел к ложу и спустил покрывало с груди правителя. Нагое тело по всему правому боку покрывали черные и лило-

вые синяки. Мышцы и кости под изменившей цвет кожей показались Катону раздавленными. Сломанная рука была заключена в лубок.

Семпроний наклонился вперед и проговорил утешающим тоном:

– Приветствую тебя, Авл Гирций. Мы с тобой встречались раз или два в Римском сенате.

Правитель облизнул губы, едва заметно кивнул и охрипшим голосом прошептал:

– Луций Семпроний... я помню тебя... Что ты здесь делаешь?

– Я прибыл для того, чтобы принять управление провинцией.

Глаза Гирция округлились, он попытался поднять голову и резким тоном спросил:

– Кто тебя прислал?

Легкое движение вызвало приступ мучительной боли, пробежавший по всему телу правителя, и голова его вернулась на прежнее место со стоном и скрежетом зубным.

Хирург с озабоченным видом склонился к больному:

– Лежи смирно, господин. Ты не должен шевелиться.

Семпроний подождал, пока судорога боли оставила тело правителя и он задышал спокойнее. Тогда лишь сенатор заговорил:

– Никто не посылал меня. Мой корабль плыл вдоль острова, когда случилось землетрясение. Я узнал, что ты ранен, мой друг, и явился, чтобы предложить собственные услуги. Теперь, когда я вижу тебя, мне стало ясно, что тебе потребуется время, чтобы поправиться. Как вышедший сановник из всех находящихся в провинции, я должен принять на себя дела до тех пор, пока ты не сможешь вернуться к исполнению своих обязанностей.

– В этом нет необходимости... я уже нашел нужного человека.

– Понимаю. Но, Гирций, я не могу позволить сборщику налогов возлагать на себя такую ответственность. Эти псы в лучшем случае развращены. Мы с тобой не можем позволить такому человеку управлять Критом.

Гирций, протестуя, поднял руку. Взяв ее, Семпроний доброжелательно погладил пальцы лежащего.

– Теперь, когда я здесь, тебе не о чем беспокоиться. Твоя провинция в надежных руках. Клянусь в этом своей собственной честью.

– Нет... – Гирций с глухим стоном осел на постель, мышцы лица свела волна муки, которую он старался преодолеть. Наконец, тело его расслабилось, и на лбу выступили бисеринки пота. Неровно дыша, он посмотрел в потолок и пробормотал: – Моя жена... ее уже отыскали?

– Жена? – Сенатор повернулся к врачу и прошептал: – Как она?

– Ее звали Антонией. Говорят, что она ушла с пира незадолго до начала землетрясения. И с тех пор ее никто не видел. Однако мы до сих пор обнаруживаем в горах обломки тела. Боюсь, что в самом скором времени найдется и ее тело.

– Понимаю. – Какое-то мгновение Семпроний смотрел на мучающегося правителя, а потом повернулся к хирургу: – Оставляю его на твоём попечении. Делай для него все возможное.

– Конечно, господин.

Сенатор понизил голос:

– На пару слов, если не возражаешь...

Он поднялся со скамьи, дав знак остальным последовать его примеру. Возле двери остановился и негромко шепнул хирургу:

– Гирций будет жить?

– Я делаю для этого все возможное. По прошествии должного времени он может оправиться...

– Избавь меня от врачебной лжи. Он будет жить? Да или нет?

Хирург облизнул губы и покачал головой:

– Обе ноги раздавлены. Повреждены внутренние органы, сломаны ребра. Едва ли он протянет больше нескольких дней.

– Понимаю. Тогда делай все возможное, чтобы облегчить его страдания.

Хирург кивнул.

Катон бросил взгляд на ложе:

– И еще. К Гирцию более никого не пускать. Не так ли, господин мой?

– Да, – согласился Семпроний. – Конечно. Таков мой строгий приказ.

– И даже Глабия? – переспросил хирург.

– Его-то в первую очередь, понятно? Ни к чему волновать правителя. Всем заинтересованным говори, что Гирций обрадовался, узнав о том, что я решил взять власть в свои руки. Он полностью доверяет мне и передал в мои руки всю власть над провинцией до собственного выздоровления или прибытия из Рима назначенного сенатом преемника. Такова наша повесть, и ты будешь придерживаться ее. Понятно?

– Да, господин.

– Хорошо. А теперь я хочу, чтобы ты осмотрел рану центуриона. Промой ее и наложи свежую повязку. Он понадобится мне, когда я пойду освобождать Глабия от временного назначения.

Глава 8

Макрон вытер лоб и прищурился в сторону полуденного солнца, пылавшего на совершенно безоблачном небе. От караульной при воротах акрополя он мог видеть группы солдат когорты, аккуратно разбиравших руины в поисках уцелевших. Когда таковые обнаруживались, начинался длительный процесс извлечения. Достать некоторых было относительно просто, однако находились и такие, кто подавал признаки жизни под несколькими футами завалов, претерпев при этом жуткие увечья. Насколько можно было понять, Портиллус со своими людьми методично продвигался по городу в сторону ведущего к порту оврага. Вместе с солдатами трудились рабы – те из них, которые не стали бежать после землетрясения. Почти у каждого из выживших в катастрофе рабов был шанс вырваться на свободу. Беглецов с течением времени найдут и накажут, отметил Макрон. Среди рабов было много клейменых, которые не могли даже надеяться затеряться среди свободных людей. Таким оставалось только укрываться в глуши, влача жалкое существование, лишь немногим лучше рабства.

На склоне горы рядом с Маталой были расставлены палатки из козлиных шкур, найденные на складе вспомогательной когорты, и теперь несколько сотен людей укрывались от солнца в их тени. Кроме них, насчитывалось еще две тысячи потерявших свои дома, которым приходилось ночевать под открытым небом или искать себе укрытие среди деревьев, росших выше по склону. Там же бурлил ручей, приносивший воду с гор, образовывавших становой хребет острова. Макрон видел силуэты горожан, носивших меха и амфоры с водой к палаткам, а у подножия небольшого водопада возле вершины холма, под серебряным каскадом, весело плескались несколько ребятишек.

В воде у них не было недостатка, а самой главной проблемой являлась еда. Прошло уже три дня после того как Макрон принял командование когортой, и за это время стало окончательно ясно, что в порту обнаружилась отчаянная нехватка припасов. Некоторое количество съестного удалось раздобыть в поместье Канлия и извлечь из руин Маталы, присовокупив к скудным запасам, хранившимся на акрополе. Макрону даже пришлось объявить, что все личные запасы продовольствия следует сдать на склады когорты, откуда всем уцелевшим будет выделяться дневной рацион. Тех, кто будет застигнут с собственными припасами или за торговлей съестным на рынке, он намеревался лишать рациона и изгонять из города и его окрестностей. Пойманных при попытке вернуться назад ожидало заключение в одной из цистерн, выбранной Макроном в качестве временной тюрьмы. Последний пункт его указа подразумевал, что пойманных за кражей еды из запасов когорты будут казнить.

Когда эдикт²¹ прочли в лагере, послышались негодующие крики, и недовольство толпы немедленно обрело уста в виде главы торгового братства, коренастого торговца по имени Аттикус, который вполне мог бы сойти за брата Макрона, если бы у него был таковой. Протесты не смущали Макрона, который сперва воздевал к небу руки, умиrotворяя толпу, а когда это не действовало, извлек меч и принялся колотить им о край щита одного из своих людей. Когда гневный ропот улегся, он набрал воздуха в грудь и указал на Аттикуса.

– Мне безразлично, что ты там себе думаешь. Мы должны экономить имеющуюся у нас пищу, иначе начнется голод. Как только возобновится подвоз еды в город, можно будет вернуться к нормальному положению дел. А до тех пор следует затянуть пояса и терпеть.

Аттикус фыркнул:

– Ты хочешь, чтобы мы поверили в то, что ты и твои люди не будут брать себе больше, чем честно положено, так?

²¹ Эдикт – программа деятельности римских магистратов, объявляемая при вступлении в должность.

– Я сам присмотрю за тем, чтобы пища делилась по-честному, – ответил Макрон зычным, привыкшим к командам голосом, так чтобы все могли слышать его. – В первую очередь рацион будут получать те, кто помогает искать среди развалин уцелевших и еду. И те, кто отвечает за поддержание порядка.

– Ха! – Аттикус всплеснул руками. – Так я и знал. Армия заботится о своих людях, а до остальных ей нет дела! Нет, центурион, мы не согласны. – Он повернулся, чтобы обратиться к толпе: – А я говорю, что свою еду мы оставим себе! И пусть солдаты заботятся о себе сами!

Публика с одобрением встретила его слова, и Аттикус еще некоторое время наслаждался успехом, бодро грозя кому-то поднятыми над головой кулаками; наконец, он скрестил руки на груди и с улыбкой посмотрел на Макрона.

– Тих-ха! – взревел Макрон. – Молчать, я сказал!

Однако на сей раз толпа не отреагировала, и из ее недр посыпались насмешки, свист... замелькали угрожающие жесты.

Наконец всеобщий гам надоел Макрону, и он повернулся к двум десяткам солдатам, которых взял с собой для подкрепления собственных слов.

– Ну-ка, пусть послушают вас, парни!

Солдаты-ауксиларии²² достали мечи и принялись стучать ими о край щитов, наполнив воздух оглушительным грохотом, заглушившим крики разбушевавшейся толпы. Постепенно люди утихли, и Макрон приказал, чтобы солдаты перестали шуметь.

– Так-то лучше. Итак, я рассказал вам, каким образом вы будете жить, и быть посему. И я не потерплю никаких попыток подорвать мой авторитет... власть действующего префекта когорты. Тем, кто захочет увеличить свою порцию, придется поработать на разборке завалов, помочь солдатам обыскивать руины. Кроме того, мне нужны люди на замену тем, кто погиб в катастрофе. Если среди вас есть люди, имеющие опыт военной службы, они могут прийти на акрополь и записаться на службу.

– Не делайте этого! – обратился к толпе Аттикус. – Не предавайте своих. Если мы объединимся против этого солдафона, он ничего не сможет сделать!

– Довольно! – Макрон щелкнул пальцами. – Наслушались! Первая шеренга! Взять этого человека, немедленно!

Аттикус в изумлении открыл рот, однако прежде чем он успел как-то отреагировать, солдаты окружили его, и двое из них, вложив в ножны мечи, заломили ему руки за спиной. Он безуспешно сопротивлялся какое-то мгновение, в толпе послышались сердитые протесты... Макрон, бесстрастно наблюдавший за происходящим под насмешки и оскорбления толпы, отдал приказ своим людям возвращаться на акрополь. Затем занял место возле Аттикуса и удерживавших его людей.

– Сам виноват, не надо было распускать язык.

Аттикус огрызнулся:

– Так говорят все тираны...

– Тиран? – Макрон поджал губы. – Это я-то тиран? Нет, ошибаешься, я всего лишь солдат, старающийся сделать свое дело, а ты, приятель, – просто болтливая затычка в жопе. Так что нечего брехать про свободу и тиранию. Береги свои идеи... выскажешь, когда все закончится.

Аттикус ожег его яростным взглядом:

– Теперь я в твоих руках, центурион, однако однажды настанет время сводить счета...

– Конечно. – Макрон кивнул. – Я возьму тебя на заметку.

– Я еще отделаю тебя! – плюнул Аттикус. – Свинья!

Макрон внезапно развернулся и кулаком двинул Аттикуса прямо в висок. Тот, вскрикнув, обмяк в руках державших его с обеих сторон солдат. Макрон пожал плечами.

²² Ауксиларии – вспомогательное войско, которое римляне набирали из подвластных им народов.

– Это ему за тиранию. Бросьте его в цистерну и позаботьтесь, чтобы по пути с ним не случилось ничего плохого. Пара дней отдыха в прохладном и тихом месте не повредит этому парню... после его можно будет и отпустить.

Небольшая колонна солдат прокладывала не прямой путь по главной улице, возвращаясь к акрополю. Вступив на рампу²³, Макрон заметил, что у ворот стоит Юлия. Утром он отправил в город нескольких солдат, чтобы те отыскиали для нее в городе подходящие наряды, и теперь девушка встречала его в голубой, длинной, до щиколоток, тунике. Макрон в знак приветствия склонил голову:

– Доброе утро, молодая госпожа. Хорошо ли почивала сегодня?

– Да, спасибо тебе. – Девушка слегка улыбнулась. – Из Гортины никаких вестей?

– Еще рано. Вчера я послал гонца. Вернется, наверное, к вечеру. Так что пока волноваться не о чем.

– Надеюсь на это. – Юлия тронула прядь своих темных волос. – Но я не могу не волноваться, когда речь идет об отце и Катоне. Конечно, Катон и сам пришлет нам весточку, когда станет ясно, что они в безопасности.

– Если здесь все более-менее под контролем, то в Гортине, по моему мнению, они по горло увязнут в делах. Но будь уверена, они пришлют нам весть о себе в первый же подходящий момент. Не беспокойся, госпожа Юлия. Твой отец – крепкий орешек, а Катон у нас из молодых, да ранних. Поверь мне: с ними ничего не случится.

Юлия кивнула с легкой неуверенностью, на мгновение умолкла и лишь после небольшой паузы продолжила:

– А сколько времени, по-твоему, нам придется провести здесь?

Макрон отошел от солдат, расстегнул ремешок шлема и вытер лоб.

– Трудно сказать. Крит посещают многие корабли, поэтому известие о здешней катастрофе должно скоро добраться до Рима.

– Но я еще не видела ни одного корабля в гавани после нашего прибытия.

– Правда, – согласился Макрон. – Волна, должно быть, погуляла не только тут. С кораблями, находившимися у берега, она, скорее всего, разделалась. А остальные, узнав горестную новость, не спешат высаживаться на берега Крита. Но рано или поздно какой-нибудь корабль зайдет в один из портов острова. Узнав о случившемся, они доставят весть в Рим. А там, получив известие о здешнем опустошении, император непременно пришлет помощь.

– Помощь? Какую помощь?

– Войска, еду и нового правителя, как только он назначит такового. И как только они придут, твой отец и все мы сможем оставить этот остров и с первым же кораблем вернуться в Рим.

– А сколько времени пройдет до появления помощи?

Нахмурясь, Макрон прикинул сроки и расстояния.

– Рассуждая логически, я бы сказал, что первый корабль придет из Рима не раньше чем через два месяца.

– Через два месяца? Через два месяца! – Юлия указала на палатки. – При наших запасах еды эти люди не протянут два месяца. Должен найтись более быстрый способ получения помощи. Как насчет ближайших провинций? Египта, Кипра или Греции?

– Они сделают то, что в их силах. Однако беда в том, что, на мой взгляд, они остерегутся что-либо предпринимать, не запросив разрешения в Риме.

Юлия тряхнула головой.

– Но это глупо.

– Это называется бюрократической машиной, молодая госпожа.

²³ Рампа – наклонная площадка.

– Тем не менее мы должны помочь этим людям.

– Мы и помогаем им. В первую очередь они нуждаются в порядке, и порядок этим людям даю я. Как только он будет окончательно установлен, тогда я смогу заняться едой и удостовериться в том, что каждый накормлен так, как это позволяют наши припасы. Всем нам придется нелегко, госпожа. Откровенно говоря, не имею привычки миндальничать с толпой горожан.

– Вижу, – едким тоном отозвалась Юлия, глянув на колонну и Аттикуса посреди нее. – Ситуация была разрешена самым удачным образом. Не сомневаюсь, что любовь здешних граждан нам обеспечена.

– Ну, это по обстоятельствам, – Макрон нахмурился. – Я же неставляю свою кандидатуру на выборах, моя госпожа. А просто хочу сделать для выживших все возможное. Я хочу, чтобы им удалось пережить это несчастье и вернуться к нормальной жизни. И если это означает, что мне приходится пользоваться методами, которые не по вкусу толпе и смутьянам, подобным этому вот Аттикусу, что ж, тем хуже.

– Для кого? Для тебя или для них?

– Для всех нас. – Макрон вернул на место фетровый подшлемник и водрузил на него шлем. – Если у тебя все, молодая госпожа, мне пора вернуться к работе.

Он направился вслед за своими людьми, на ходу застегивая пряжки шлема. Юлия проводила его взглядом, прекрасно понимая, что правда не на ее стороне. Она была знакома с Макроном достаточно давно и потому знала, что прямолинейные и жесткие методы в его исполнении всегда преследуют добрую и честную цель. Но к тому времени, когда она все-таки решила извиниться, Макрон уже вошел в базилику и исчез из вида.

Рассердившись на себя, Юлия хлопнула по ноге, а потом отвернулась от акрополя и принялась рассматривать уставленный палатками склон. Толпа, собравшаяся, чтобы заслушать указ Макрона, расходилась неспешно; кучки людей оставались на месте, вне сомнения, изливая свое раздражение. В данный момент, подумала она, они подчиняются Макрону, но когда провиант станет заканчиваться, голод и отчаяние разрушат нынешний хрупкий порядок. Перспектива заставила девушку поежиться, и она неторопливо направилась через ворота в акрополь. Здесь ей нечего было делать. Она уже предлагала свои услуги хирургу когорты, но тот с ходу отверг ее предложение ухаживать за ранеными, сказав, что госпиталь не место для сенаторской дочери. Когда она попыталась оспорить его решение, сказав, что ей уже приходилось заниматься этим делом во время осады Пальмиры, хирург едко ответил, что восток населен варварами. На Крите же другие нормы.

Хотя Юлия и надеялась на правоту хирурга, она успела достаточно повидать мир, чтобы понимать, что всякая цивилизация находится всего в нескольких шагах от анархии и кровавого хаоса, всегда сопутствующих голоду. Эта мысль немедленно вызвала у нее желание оказаться возле отца и Катона. Она уже томила по молодому человеку, желанное общество которого приносило ей ощущение безопасности.

– Надеюсь, ты позвал меня не для того, чтобы я выслушивал пустяки, – проговорил Макрон, вставив факел в железную скобу и опустившись на край цистерны, чтобы посмотреть на Аттикуса. Грек был прикован за лодыжку цепью к каменной стенке. Белая туника его уже была изукрашена потеками грязи. Он провел в заточении всего одну ночь, однако темнота, сырость, вонь и уединение действовали на него с впечатляющей скоростью. – Ты сказал стражу, что у тебя ко мне есть важное дело.

– Это так. Я хочу предложить тебе сделку.

– В самом деле? – Макрон чуть улыбнулся. – Какого рода? Хочешь обещать примерно вести себя, если я тебя отпущу?

– Да. Обещаю.

– Понятно, но почему я должен верить тебе? Как ты понимаешь, я доверяю тебе не больше, чем ты мне.

Аттикус нервно облизал губы:

– Я знаю, где найти пищу.

– Я тоже... поэтому мы и разбираем руины.

– Я хочу сказать, что знаю, где находится много еды. Достаточно, чтобы людям хватило на много дней.

– О! И где же находятся эти запасы?

– В сельском поместье моего друга.

– Где именно?

– На побережье... не столь уж далеко отсюда. Поместье принадлежит моему другу Деметрию из Итаки.

– Мы уже побывали там. Вчера я посылал туда отряд, и мои люди вернулись с пустыми руками. Похоже, что рабы или их собратья-разбойники уже побывали там и выгребли все зерновые ямы.

Аттикус улыбнулся:

– Думай так, если хочешь. Но Деметрий – человек осторожный. Обитая возле моря, он привык опасаться пиратских набегов. И потому держит все свои ценности и почти весь урожай в небольшом селе, расположенном примерно в миле от основного поместья. Проехать туда достаточно сложно, а сельцо защищено палисадом. Думаю, что Деметрий отъехал туда сразу, как только окончилось землетрясение.

– Если он уцелел при этом.

– Не стоит сомневаться. Деметрий – человек изобретательный.

– Итак, ты готов проводить нас туда?

– В обмен на свободу... и награду.

– Как только ты укажешь мне, где находится это сельцо, – ответил Макрон. – И если ты не соврал, я подумаю о том, чтобы выпустить тебя.

– Так не пойдет. Или ты берешь меня с собой, чтобы я провел вас в село, и отпускаешь меня на свободу, или же голодайте... не возражаю, – небрежно повел рукой Аттикус. – Но ты, конечно, всегда можешь вырвать нужные сведения из меня пыткой, а потом втихую убить.

Макрон неторопливо кивнул:

– Неплохая, скажу тебе, мысль. Вставленная в задницу раскаленная кочерга превосходно развязывает язык. Если хочешь, можно попробовать.

Аттикус в упор посмотрел на Макрона в расчете на то, что римлянин все-таки шутит, однако в глазах центуриона горел зловещий огонек, и грек нервно сглотнул.

– Я покажу тебе это место, после чего ты можешь отпустить меня на свободу.

– Я подумаю об этом.

– Я не стану сотрудничать с тобой, если ты не обещаешь отпустить меня, – проговорил Аттикус, собрав последние остатки независимости.

– Ты опоздал со своим предложением, мой друг. На самом деле ты уже сказал мне все, что мне нужно. Нисколько не сомневаюсь, что ты не собираешься унести эти сведения с собой в могилу. Поэтому дело всего лишь за пыткой... пока ты не сдашься. Но если по какой-то случайности ты окажешься более крепким, чем я о тебе думаю, то можешь и не дожить до ее конца. Я не стану скорбеть, если у меня станет одним голодным ртом меньше... после того, как мы раздернем тебя по кусочкам, понемногу и не торопясь. – Макрон выпрямился и невозмутимо поскреб подбородок. – Итак, будешь говорить или нам придется с пристрастием допросить тебя?

Скрипнув зубами, Аттикус прошипел:

– Хорошо, отведу тебя к сельцу. Там ты отпустишь меня?

– Если будешь честен со мной, и я тебя не обману, – ответил Макрон, подымаясь и направляясь вверх по лестнице.

– Эй! А как же я? – окликнул его Аттикус.

Макрон остановился и оглянулся.

– Ты назвал меня тираном. Это можно пережить. Но свинью, с другой стороны, забыть несколько труднее. Еще одна проведенная здесь ночь поможет тебе научиться почтительности. Приятных сновидений.

Глава 9

Небольшой отряд выехал из Маталы на рассвете. Макрон взял сорок копеейщиков из своей боевой центурии в качестве охраны четырех фургонов, ибо на большее количество повозок оставшихся в живых коней и мулов не хватало. Горсточка горожан вызвалась в качестве возниц и грузчиков. Аттикуса, заросшего щетиной и моргающего, извлекли из цистерны и посадили на скамейку возницы первой повозки. Увидев Макрона, когда тот прошел мимо него в голову колонны, он скривился. Центурион Портиллус уже снабдил центуриона указаниями относительно дороги к поместью, и Аттикусу оставалось проводить фуражиров оттуда до сельца. Распорядиться в городе в свое отсутствие Макрон оставил Портиллуса. Располагая помощью центуриона Милона и пяти десятков боевой центурии, а также людьми, посланными в поисковые отряды, он обладал достаточными силами, чтобы уладить любые неприятности с беженцами в отсутствие Макрона.

В последний раз оглядев колонну и удостоверившись в том, что все в порядке, Макрон взмахнул рукой и указал вперед. Первые десятки шагнули вперед, хрустя подбитыми гвоздями сапогами по сухой дороге. За хрустом раздалось ровное цоканье копыт коней и мулов, за которым последовал глухой грохот тележных колес. Несколько следивших за отбытием беженцев провожали взглядом два замыкавших колонну десятка. Отдав дань любопытству, они, наконец, возвратились к повседневным заботам, к поискам среди руин пропитания и ценностей, которые можно будет сохранить до тех пор, пока кризис не завершится и вновь начнется нормальная жизнь.

Дорога поначалу вела вверх и в глубь острова, а потом соединилась с главной дорогой, протянувшейся вдоль южного побережья Крита. Милевые столбы отмечали расстояние до Гортины, и Макрон повел колонну именно в этом направлении. От Катона и Семпрония до сих пор не пришло и слова, и Макрон уже начинал беспокоиться. Возможно, с ними что-то случилось на дороге к столице провинции, однако, не послав к ней разведывательный отряд или не пройдя весь путь самому, ничего выяснить было нельзя. Попытавшись прогнать из своей головы тревогу, Макрон вглядывался в окружающий ландшафт. Как только дорога вышла на плодородную равнину, занимавшую большую часть южной оконечности острова, с обеих сторон потянулись возделанные земли, усыпанные лачугами мелких землевладельцев, внушительными сооружениями поместий и время от времени попадавшимися деревеньками. Они дошли до отмеченного милевым камнем перекрестка, и, следуя инструкциям, полученным от Портиллуса, Макрон увел свой отряд с главной дороги на более узкую, идущую к поместью Деметрия. Колонна топала по мирной дороге, а по обеим сторонам над цветами лениво жужжали насекомые.

– Господин! – Один из возглавлявших колонну ауксилариев вдруг указал вперед.

Сперва Макрон заметил как бы грудю грязного тряпья, но тут же понял, что видит труп. Подняв руку вверх, он крикнул:

– Стой!

Пока люди и телеги останавливали ход, Макрон осторожно направился к телу по каменистой дороге, внимательно поглядывая по сторонам. Убитый при жизни впечатлял своей мощью, вопреки редким седым волосам и изрезанным морщинами лицу. Труп лежал на боку, свернувшись в клубок. Израненная кожа почернела от синяков. Натягивавшие кожу шишки и выступы указывали на множество переломов; некогда крепкая челюсть была раздроблена на мелкие куски, так что изуродованное лицо едва ли мог признать даже человек, знавший убитого при жизни.

Макрон присел на корточки, чтобы обследовать тело, наморщив нос от густого запаха мертвечины. Туника пошита из хорошего материала, пояс украшен серебром. На ногах покой-

ника армейские сапоги, далеко не новые, но ухоженные... Крепкий кожаный хлыст туго охватывал его горло. Язык вывалился из распухших губ, глаза выкатились из орбит. На лбу его четко выделялось клеймо с изображением Митры²⁴, и Макрон понял, что видит перед собой ветерана-легионера. Уволившись из армии, он стал надсмотрщиком за рабами. Суровый быт легионов делал отставников подходящими для такого занятия, но также превращал их в первую мишень гнева восставших рабов.

Подсунув руки под тело, Макрон откатил его с дороги в траву на обочине. Встав в полный рост, он махнул рукой своему отряду, посылая его вперед, мимо трупа. Люди старались не смотреть на него... заметив этот знак опасности, более опытные и нервные начали вглядываться в окружающий ландшафт. Невдалеке от покойника начиналась оливковая роща; миновав ее, дорога выходила на просторную площадь к многочисленным строениям и пустым зерновым ямам. Чуть поодаль находились впечатляющие ворота, за которыми виднелась вилла владельца поместья. В четверти мили от нее располагались казармы рабов. В ограждавшей их стене зияли громадные бреши, сквозь которые Макрон видел руины длинных барачных корпусов, в которых рабов запирали на всю ночь. Теперь внутри не было никаких признаков жизни.

В воздухе плыл легкий запах дыма, и Макрон немедленно остановил свою колонну перед воротами.

– Первый десяток, за мной!

Стиснув в кулаке рукоятку меча, Макрон с опаской вошел на территорию виллы Деметрия. Одна створка ворот еще оставалась на месте, а вторая была сорвана с петель, так что Макрон вел восьмерых своих солдат, оглядываясь по сторонам. Просторный открытый дворик окружала крытая колоннада, перед землетрясением поддерживавшая черепичную кровлю. Теперь колонны окружали груды битой черепицы. Напротив ворот находились обгорелые руины собственно резиденции. Почерневшие стены и обугленные балки вырисовывались на фоне ясного неба. В центре двора находились остатки большого костра: пепел, головни, непонятные груды черной материи. Возле костра находились три столба с поперечинами. К каждому из них, лицом к огню, было гвоздями приколочено тело. Спины их оставались невредимыми, их еще прикрывала цветная ткань. Однако обращенные к огню лица свидетельствовали о том, что людей этих зажарили на медленном огне. Ткань обуглилась, кожа почернела и пошла пузырями. Жар заставил несчастных оскалиться, и жуткие, обнажившие зубы улыбки приводили в ужас остановившихся под ними солдат.

Взяв слегка обугленную жердь, Макрон поворошил кострище.

– Похоже, что здесь кого-то сожгли, – обернувшись, он принялся рассматривать землю, и заметил дыру, в которой стоял четвертый брус. Конец его все еще торчал из остатков костра. – Вот оно. Похоже, что рабы бросили одного из этих людей в костер.

– Ох, мать твою, и поганая же это смерть, – пробормотал один из солдат.

Отбросив жердь, Макрон оглядел внутренность двора.

– А красивой смерть, понимаешь, и не бывает... Ладно, ребята, пошли. Уже насмотрелись. Сделать здесь ничего нельзя.

Остававшиеся снаружи с любопытством разглядывали пепельные физиономии десятка, побывавшего вместе с Макроном внутри. Центурион подошел к фургону, к скамье которого был прикован Аттикус, и приказал вознице снять с него цепи. Аттикус потер лодыжки и кивнул в сторону виллы.

– Деметрия там не видно?

– Не знаю, на кого он был похож. В любом случае, сказать, кем были эти люди, попросту невозможно.

Аттикус бросил на него торопливый взгляд.

²⁴ Митра – один из персидских богов, почитавшийся и в Древнем Риме.

– Что там произошло?

– Похоже, что рабы решили отомстить своему господину и его семье. Испекли их живьем.

– Милостивые боги. – Аттикус глотнул, нервно огляделся по сторонам. – Как, по-твоему, они еще слоняются где-нибудь неподалеку?

Макрон покачал головой.

– Едва ли, если у них есть хотя бы капля ума. Им известен закон: если кто-то из рабов убьет своего господина, следует казнить каждого раба в доме. Думаю, что как только они осознали, что натворили, то сразу убежали в горы.

Лицо Аттикуса сделалось жестким.

– Тогда их нужно выследить и перебить до единого.

– Всему свое время, – ровным тоном ответил Макрон. – А сейчас я хочу, чтобы ты проводил нас к продуктовым запасам Деметрия.

– Да, конечно. – Аттикус бросил последний взгляд на ворота виллы, глубоко вздохнул и показал на узкую тропу, уводившую к далекому сосняку. – Нам туда.

Колонна продолжила движение вперед, радуясь тому, что зловонное пожарище осталось позади. Но прежде чем они добрались до деревьев, от одного из фургонов донесся крик; повернувшись, Макрон увидел, что возница показывает на скопление камней за открытым пространством в полумиле от них. На самой высокой из глыб стояли трое людей, наблюдавших за приезжими.

– Рабы, – прошипел Аттикус сквозь стиснутые зубы. – Нужно схватить их. Центурион, пошли своих людей за этой дышащей убийством сволочью.

Среди ближайших солдат послышался одобрителный ропот, но Макрон покачал головой.

– Не дело это, Аттикус. Мы не можем выделить людей на погоню за ними. К тому же при полном вооружении мои парни попросту не смогут догнать их. В любом случае, рабы знают эту местность много лучше. Скорее всего, они заведут наших людей в ловушку.

– И ты готов отпустить их безнаказанными? – не скрывая удивления, проговорил Аттикус.

– Другого выхода у меня нет. И потом, сейчас у меня есть более важное дело. А рабы пока могут и подождать. – Хмыкнув, Макрон выкрикнул: – Прибавить шагу! Заснули, ленивые увальни?

Они вступили в сосняк, под пятнистую жидкую тень сосен. Макрон вглядывался и в дорогу впереди, и в тени по бокам ее... Так они преодолели еще полмили.

– Не хотелось бы, чтобы ты ошибся в отношении этого запаса провианта, – невозмутимо заметил он.

– Я знаю дорогу, – ответил Аттикус. – Остается только надеяться на то, что рабы не побывали там до нас и не разграбили его. О запасах Деметрия должен был знать далеко не один человек.

Макрон кивнул:

– Будем надеяться на то, что им хватило ума не сжигать съестное. Рабам тоже надо есть.

Дорога резко свернула налево и свернула в ущелье с высокими стенами, представлявшее собой идеальное место для засады, как решил Макрон, рассматривая торчавшие над склоном глыбы. Если обрушить их вниз на колонну, они в прах разобьют повозки, раздавят все на своем пути, будь то конь или человек.

– Далеко ли еще?

– Пришли. – Аттикус поднял руку. – Видишь, там, за деревьями?

Прищурившись, Макрон заметил, что в сотне шагов впереди тропа выходит на открытое место. Склоны по обе стороны ущелья раздвинулись. Как только колонна оказалась на прогалине, он увидел высокий частокот высотой в два человеческих роста. На каждом углу его выси-

лись сторожевые башни, тропа заканчивалась у прочных с виду ворот. Перед деревянными стенами валялись тела, пронзенные стрелами и дротиками.

– Похоже, что рабы все-таки нанесли сюда визит, – заметил Макрон. – И хозяева дали им от ворот поворот.

– Стоять на месте! – прозвучал со стены голос, и Макрон заметил нескольких человек, появившихся над заостренными верхушками образующих стену бревен. Каждый из них был вооружен копьем. Шевеление началось и на сторожевых башнях, куда по лестницам поднимались лучники. Стоявший над воротами человек поднес ладонь ко рту и снова закричал:

– Я сказал: стоять на месте!

– Стоять! – приказал Макрон. Шагнув вперед, он поднял руку в знак приветствия. – Мы из Маталы. Двенадцатая Испанская. Центурион Макрон.

– Центурион Макрон? Ни разу не слышал о тебе.

– Я высадился на берег сразу после землетрясения.

– Как интересно! – донеслась от ворот едкая реплика. – Проваливайте! Пока я не приказал своим лучникам стрелять.

Макрон бросил взгляд через плечо:

– Аттикус! Вперед!

Солдаты вспомогательной когорты расступились, пропуская Аттикуса, остановившегося рядом с Макроном.

– Ты знаешь этого человека? – указал Макрон.

Аттикус прищурился и улыбнулся:

– Ну, да! Это Деметрий.

Шагнув вперед, он проговорил:

– Деметрий из Итаки, это я, Аттикус!

После короткой паузы человек над воротами заговорил снова, уже с облегчением:

– Аттикус! Ты выжил. Не удивляюсь. Кто твой друг? Я знаю всех офицеров Двенадцатой, но этого вижу впервые.

– Прибыл уже после землетрясения, как он сам и сказал.

– Хорошо. – Деметрий повернулся и окликнул стоявших внизу у частокола. – Откройте ворота!

Слабо скрипнув на служивших петлями канатах, створки повернулись внутрь, и мгновение спустя в них показался улыбающийся Деметрий, направившийся к Аттикусу и Макрону. Обменявшись рукопожатием с другом, владелец поместья повернулся к центуриону.

– Родственник Аттикуса?

– Едва ли, – фыркнул Макрон.

– Вас можно принять за братьев.

– В самом деле? Ну, знаешь ли, теперь придется терпеть и это.

– Смотрю, колючий у тебя друг, Аттикус.

– Он мне не друг, – отрицательно покачал головой Аттикус. – Что здесь произошло? Мы прошли через руины виллы. И когда увидели там трупы, я уже стал бояться, что ты погиб.

Деметрий нахмурился:

– Какие трупы? Что ты хочешь сказать? Что произошло с моей виллой?

– Неужели ты не знаешь?

– Если бы знал, то не спрашивал бы. Рассказывай.

Макрон прокашлялся:

– Ее дотла сожгли рабы. На подходе к вилле мы обнаружили тело надсмотрщика, внутри обнаружили еще четыре трупа.

Кровь отхлынула от лица Деметрия:

– Когда я перевез сюда свою семью, на вилле остался управитель с горсткой доверенных людей.

– Что здесь произошло? – спросил Макрон. – После землетрясения?

Деметрий помолчал некоторое время, собираясь с мыслями.

– В тот вечер рабы работали допоздна, и едва они вернулись с полей, как ударило землетрясение. Вся моя семья находилась в саду. Будь мы в доме, нас ожидала бы судьба кухарей и кухарок – мы были бы раздавлены или заживо погребены. Ну а так мы потеряли только их. Я отдал приказ, чтобы рабы по возможности починили разрушенное, пока мы с семьей будем пребывать тут. Управитель в первый вечер после землетрясения доложил мне, что надсмотрщики удерживают рабов в повиновении, а бреши в стене начали заделывать. Поэтому я решил, что все в порядке, однако на следующий вечер он не пришел... не пришел и на следующий за ним. Тут они и нагрянули. – Он показал на трупы. – Явились уже в сумерках и потребовали, чтобы я открыл ворота. Когда я ответил отказом, они полезли на стены. Я приказал своим людям остановить их, и, как вы видите, они справились с делом. Уцелевшие растворились среди деревьев. С тех пор мы постоянно следим за окрестностями, – усталым тоном закончил Деметрий. – Кто бы ни явился оттуда.

Макрон кивнул в сторону трупов:

– Так это не твои рабы?

– Один или двое. Остальные мне не знакомы.

Глубоко задумавшись, Макрон рассматривал трупы.

– Это меня тревожит. Я надеялся, что бунт имеет местный характер. Однако похоже, что твоих рабов возглавили чужаки. Возможно, разбойники, спустившиеся с гор, чтобы воспользоваться сумятицей и пограбить, или рабы из соседнего поместья. Но, так или иначе, твои рабы подняли открытый мятеж. И с ними придется расправиться, как только я получу такую возможность.

– Расправиться с ними? – встревожился Деметрий. – Но я потратил на них целое состояние.

– Ухнуло твое состояние, вот что тебе скажу, – ровным тоном отозвался Макрон. – Ухнуло так, что спалило виллу и поджарило управляющего и иже с ним.

– Когда я найду зачинщиков, они дорого заплатят мне, – с горечью заметил Деметрий, торопливо переведя взгляд на Макрона. – Но вы-то зачем явились сюда? На выручку к нам?

– Нет, но я приглашаю тебя и всех остальных вернуться с нами в Маталу.

– Так почему же вы здесь?

– Я пришел, чтобы забрать все запасы зерна, маслин и прочего продовольствия, которые ты хранишь здесь, за частоколом.

Глаза Деметрия сузились:

– Так ты хочешь забрать мою собственность?

Макрон кивнул:

– Я здесь для того, чтобы конфисковать ее. Все, что мы погрузим на фургоны, будет надлежащим образом переписано, и ты сможешь потребовать компенсацию, когда на Крите восстановится порядок. А теперь, если ты не возражаешь, я хочу, чтобы фургоны загрузили насколько возможно быстро. Если по округе разгуливают мятежные рабы, нам следует вернуться в Маталу до темноты. – Макрон повернулся и выкрикнул приказ ожидавшей колонне: – Загоняйте фургоны за частокол и грузите их!

– Подожди! – Деметрий вцепился в руку Макрона. – Ты не можешь забрать мою собственность. Я запрещаю тебе!

– Жителям Маталы нужно есть. В городе нет еды, и поэтому нам нужны твои запасы. Прости, но другого выхода нет, – Макрон посмотрел на руку грека. – А теперь, если тебе не трудно, отойди в сторону, чтобы мои люди могли исполнить свое дело.

– Нет... Нет! Ты не вправе этого сделать. Я не позволяю тебе...

Макрон вздохнул:

– Понимаю. Что ж, тогда... Первый десяток! Арестуйте этого человека. Разоружите его сторонников. Если будут сопротивляться, лупите по головам.

– Что такое? – Деметрий огляделся по сторонам одичалым взором, когда двое солдат Макрона схватили его за руки.

Остальная часть колонны вместе с повозками втянулась за частокол. Как и рассчитывал Макрон, лишившись своего вожда, прислужники Деметрия быстро побросали оружие и замерли под стражей, пока солдаты и добровольцы из числа горожан начали грузить мешки с зерном и кувшины с оливковым маслом в фургоны. Деметрий продолжал громко жаловаться на несправедливость. Наконец, Макрон извлек меч и хлопнул его плоской стороной по своей ладони.

– Вот что, добрый человек, помилуй, заткнись, наконец, а? Иначе мне придется тебя уделать.

– Не посмеешь, – плюнул возмущенный Деметрий.

– Посмеет, – вмешался Аттикус. – Поверь мне. Лучше делай, как он говорит. И не медли.

Владелец поместья бросил короткий взгляд на друга, после чего плечи его поникли; отойдя в сторону, он тяжело опустил на один из мешков с зерном, занимавших невысокие навесы внутри частокола.

– Вот это правильно, – ободрил его с улыбкой Макрон.

Фургоны загрузили почти до отказа, так что оси и колеса поскрипывали и стонали, когда возницы повели их из частокола назад по тропе в сторону виллы. Макрон сделал последнюю попытку убедить Деметрия отправиться вместе с ними, однако владелец поместья был непреклонен в том, что должен защищать оставшуюся часть своих припасов. После недолгих колебаний к колонне примкнули несколько людей Деметрия. Горсточка оставшихся с ним провожала взглядами колонну, постепенно втягивавшуюся в сосняк, росший по обеим сторонам ущелья.

Уже на тропе Макрон повернулся к Аттикусу и буркнул:

– Твой друг глуп. Вчера он еще мог отбиться от рабов. Но если они наберут силу, то в следующий раз придут с более решительными намерениями. Скорее всего, Деметрия и всех, кто остался с ним, ждет тот же самый конец, что и тех, кого мы видели на вилле.

– Ты и в самом деле так считаешь?

– Уверять не буду, – согласился Макрон. – Но, похоже, что рабы стали организовываться. А если так, то перед нами встает серьезная проблема. Положение дел на острове может стать совсем скверным.

Аттикус на мгновение умолк.

– Надеюсь, что ты ошибаешься.

– И я тоже, – ответил негромко Макрон, вглядываясь в стенки ущелья, пока тяжело груженная колонна неторопливо пробиралась по тропе.

Как только они выбрались из ущелья, центурион облегченно вздохнул. Но дорога скоро втянулась в густой сосняк, и вот уже впереди она вынырнула из деревьев на открытую равнину и впереди замаячили очертания виллы. Макрон повернулся к Аттикусу, чтобы пошутить по поводу леса, и тут где-то среди деревьев послышался треск, словно хрустнула ветка. Макрон торопливо вгляделся в тени под ветвями деревьев.

Сумрак кишел силуэтами, украдкой подбиравшимися к колонне с обеих сторон. Обнажив меч, Макрон набрал полную грудь воздуха и завопил:

– Засада!

Глава 10

От деревьев понесся дружный неожиданный вопль; его подхватили голоса нападавших, со всех сторон бросившихся из теней к отряду Макрона. Центурион выдвинул вперед правую ногу, обратив свой щит к ближайшим врагам, выставил меч, готовясь нанести удар.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.